

ИГОРЬ ОРЛАВ

РАЗВОД. ЧУЖИЕ СВАДЬБЫ

Игорь Орлав

Развод. Чужие свадьбы

«Автор»

2026

Орлав И.

Развод. Чужие свадьбы / И. Орлав — «Автор», 2026

Анна Белова умеет устраивать чужое счастье: успокоить невесту, помирить родственников и провести свадьбу так, чтобы никто не заметил усталости организатора. Но за несколько дней до начала сезона муж сообщает, что уходит к другой. Впереди шесть торжеств, расчёты с командой и встречи с владельцем загородного отеля «Берег». Дмитрий Ланской не обещает Анне лёгкой жизни. Он спорит с ней, работает рядом, замечает то, что она привыкла скрывать. С ним снова хочется смеяться, задерживаться после работы и целоваться без оглядки на часы. Только надёжность и привычка всё решать самому порой выглядят почти одинаково. Можно ли довериться новому мужчине, если однажды уже перепутала любовь с удобством? И получится ли среди чужих свадеб наконец услышать собственное желание?

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Оглавление	7
Глава 1. Чужое счастье	8
Глава 2. Человек, который сказал «нет»	13
Глава 3. Что останется мне	18
Глава 4. Запасной выход	23
Глава 5. Накануне	28
Глава 6. Первая свадьба	33
Глава 7. Утро без роли	38
Глава 8. Своя подпись	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Игорь Орлав

Развод. Чужие свадьбы

Игорь Орлав

Развод. Чужие свадьбы

Современный любовный роман

16+

Все персонажи и события вымышлены.

© Игорь Орлав, 2026

Оглавление

- Глава 1. Чужое счастье
- Глава 2. Человек, который сказал «нет»
- Глава 3. Что останется мне
- Глава 4. Запасной выход
- Глава 5. Накануне
- Глава 6. Первая свадьба
- Глава 7. Утро без роли
- Глава 8. Своя подпись
- Глава 9. Праздник по взрослым правилам
- Глава 10. Не свидание
- Глава 11. Вторая свадьба
- Глава 12. Цена удобства
- Глава 13. Слова, которых мало
- Глава 14. Право отказать
- Глава 15. Третья свадьба
- Глава 16. После закрытия
- Глава 17. Когда тебя выбирают
- Глава 18. Старый способ вернуться

Оглавление

- Глава 19. Четвёртая свадьба
- Глава 20. Хорошая возможность
- Глава 21. Вместо вопроса
- Глава 22. Чужая цена
- Глава 23. Кто должен исправлять
- Глава 24. Работать без наказания
- Глава 25. Нельзя вернуть, можно сделать
- Глава 26. Пятая свадьба
- Глава 27. Без спасателя
- Глава 28. Последний заказ сезона
- Глава 29. Доверить и дожидаться
- Глава 30. Шестая свадьба
- Глава 31. То, что осталось после гостей
- Глава 32. Свой выбор
- Эпилог. Без чужого сценария

Глава 1. Чужое счастье

— Только, пожалуйста, не говорите «молодые», — попросила Вера. — Нас будут так называть весь день, а мне кажется, будто мы телята.

Я улыбнулась в камеру, хотя до этого мучительно пыталась вспомнить, куда делась распечатка с размерами арки. На экране телефона невеста сидела на полу среди открытых коробок. За её плечом лежал кусок белой ткани, из которого пока могло получиться всё что угодно, включая занавеску. Вера готовилась к собственной свадьбе без восторга, положенного ей по должности, и мне это нравилось.

— Запишем ваши имена. Вера и Максим. Никаких телят.

— И ещё мама говорит, что мне надо идти к нему одной. Это обязательно?

— Вам хотелось бы, чтобы Максим встретил вас раньше?

Она кивнула с таким облегчением, будто я отменила для неё экзамен.

В этот момент Сергей вошёл на кухню и поставил возле холодильника дорожную сумку. Нашу серую сумку, с которой мы ездили на море, а потом возили удлинители на мероприятия. Из кармана торчал рукав его синей рубашки. Я показала ему ладонью: пять минут.

Он не ушёл. Прислонился к столешнице и скрестил руки.

— Можете пройти последние несколько шагов вместе, — сказала я. — Давайте я отмечу это в сценарии и отправлю вам. Вы посмотрите спокойно, без мамы. Решать вам двоим.

— А вода будет видна? На фотографии площадки она прямо за спиной.

Я потянулась к папке. Сергей накрыл её ладонью.

— Аня, мне надо сказать сейчас.

Он говорил не громко, но Вера перестала улыбаться. Я выключила микрофон, попросила её глазами подождать, хотя не была уверена, что такие просьбы считаются через экран.

— У меня заказчик.

— Я вижу. Я ухожу.

Я взглянула на сумку, затем на него. На нём была та самая рубашка, которую я утром сняла с сушилки. Другую, стало быть, он забрал про запас.

— Когда вернёшься?

— Не сегодня. Вообще.

У меня под рукой лежал карандаш с золотым ластиком. Я зачем-то выровняла его по краю папки. Сергей смотрел на карандаш, словно правильное положение канцелярских принадлежностей могло испортить ему подготовленную речь.

— У меня другой человек, — сказал он. — Это не вчера началось. Дальше делать вид было бы нечестно.

На экране Вера подняла кусок кружева к плечу. Она не слышала нас и, наверное, рассматривала себя в маленьком окошке. В нижнем углу дрожала моя собственная беззвучная голова.

— Ты серьёзно выбрал это время?

— А какое было выбрать? У тебя постоянно работа.

Последнее слово оказалось привычным, домашним. Мы произносили его, когда остывал ужин, когда переносился поход в кино, когда Сергей объяснял, почему приехал позже. Работа была нашим общим удобным виновником. До этого дня я не знала, что на неё можно списать ещё и другого человека.

— Подожди в комнате, — сказала я.

— Ань...

— Пять минут.

Он убрал руку с папки. Мне захотелось закричать именно из-за этого: легко убрал, так же легко, как ставил чашку в посудомоечную машину. Но Вера ждала, и до её свадьбы оставалось несколько дней.

Я включила микрофон.

— Извините. Здесь рабочая накладка. По поводу воды: завтра я ещё раз посмотрю ракурс на месте. Мне важно, чтобы вы видели друг друга, а гостям не пришлось смотреть на вас через чужие затылки.

— А там что-то не так?

— Пока уточняю детали. Если потребуется поменять расстановку, я покажу вам варианты до того, как что-либо решать.

Я говорила обычным голосом. Он выходил из меня без всякого участия: тёплый, уверенный, хорошо поставленный годами разговоров с людьми, для которых даже цвет салфеток однажды становился последней каплей. Вера успокоилась. Мы договорились, что длинную речь ведущей сократим, а обещания она с Максимом скажет тихо, друг другу, без микрофона.

После звонка я ещё несколько секунд держала телефон экраном вверх. В чёрном стекле отражалась люстра. Одной лампочке давно требовалась замена.

Сергей вернулся без приглашения.

— Я хотел поговорить нормально.

— Ты уже поговорил.

— Не надо так. Я понимаю, тебе больно.

Я подняла на него глаза. У него возле виска появилась седая прядь, которую я раньше не замечала. Двенадцать лет мы жили вместе, и всё это время его лицо менялось у меня на глазах достаточно медленно, чтобы казаться прежним. Сейчас оно стало незнакомым за несколько минут.

— Сколько?

Он понял вопрос.

— Несколько месяцев.

Я ждала, что он назовёт срок точнее. Тогда можно было бы пройти назад по этим месяцам и проверить дни: вот мы покупали краску для офиса, вот он болел, вот я отправляла ему смешную фотографию. Но Сергей смотрел на окно.

— Почему ты говорил, что всё нормально?

— Потому что не знал, как сказать.

— А собирать рубашки ты знал как.

Он поморщился. Мне не стало легче.

Мы замолчали. За стеной у соседей работал пылесос. Я знала эту квартиру на слух: колёса по швам пола, удар щётки о порог, короткая пауза возле розетки. Жизнь продолжалась так невежливо, что хотелось пойти и попросить хотя бы их выключить свою машину.

— Я не собираюсь оставлять тебя с проблемами, — сказал Сергей. — Мы спокойно разберём дела, квартиру. Всё, что вложено, можно посчитать.

— Сейчас ты мне предлагаешь посчитать?

— Нет. Потом. Просто чтобы ты понимала.

— Я поняла, что ты уходишь. Остальное пока не помещается.

Он кивнул и взял сумку. На секунду задержался в дверях, будто я должна была подсказать ему достойное завершение сцены. Я слишком часто это делала: переводила неприятный разговор на шутку, договаривала фразу за него, разрешала нам обоим не чувствовать неловкости. В этот раз я молчала.

Когда дверь закрылась, я пошла за ним в прихожую. Не успеть, не остановить — просто ноги сами понесли к звуку. На полке остались его старые кроссовки, банка крема для обуви и ключ от кладовки с красной биркой. Всё выглядело так, будто он вышел за хлебом.

Я вернулась на кухню и выпила воду из его чашки.

До офиса надо было ещё одеться. Я вошла в спальню и открыла шкаф. Между моими платьями и его пиджаками образовалась полоса пустых плечиков. Он выбирал вещи, пока я разговаривала с Верой. Значит, слышал, как я объясняла чужой женщине, что её желания имеют значение, и складывал рубашки в сумку.

На кровати лежал один носок. Серый, с маленькой дыркой у пятки. Я подобрала его, попыталась найти пару и замерла посреди комнаты. В этом движении было столько привычного усердия, что меня затошнило. Человек ушёл, а я всё ещё собиралась следить, чтобы у него были целые носки.

Я положила его на пустую полку. Не бросила на пол, хотя очень хотелось сделать хотя бы один некрасивый жест. Потом достала тёмные брюки и белую блузку. Надела, посмотрела в зеркало. Та же Анна Белова, которую знали флористы, фотографы и люди, звонящие в десять вечера из-за цвета свечей. Если не открывать рот, никто ничего не заметит.

Телефон подал сигнал. Вера прислала фотографию их с Максимом: обычный снимок на улице, оба в куртках, ветер растрепал волосы. «Можно вместо студийной поставить на приветственный стол? Мы там больше похожи на себя».

Я увеличила фотографию. Максим держал бумажный стакан, Вера смеялась с закрытыми глазами. Ни ретуши, ни одинаково белых улыбок.

«Можно. Этот снимок хороший», — написала я.

Затем вынула из принтера в прихожей готовые страницы сценария, сложила ровной стопкой и унесла с собой. На чужом празднике по-прежнему требовалось сделать несколько вещей правильно.

* * *

В офис я приехала на двадцать минут раньше Нади. В маленьком помещении пахло бумагой и цветочным холодильником Оксаны, который она на время ремонта мастерской оставила у нас. Он стоял пустой, но сохранял запах зелени, влажных стеблей и чего-то хорошего, обещанного на завтра.

На стене висела сетка сезона. Шесть свадеб в «Береге», от начала июня до второй половины августа. Шесть карточек с именами, каждая своего цвета. Мы давно работали в разных ресторанах города, но с этим отелем договорились впервые: небольшая площадка, река, возможность поселить гостей. Переговоры о ценах и общих условиях вёл Сергей. Я отвечала за саму работу, людей, пары и всё то, что потом попадало на фотографии.

Я открыла переписку по первой свадьбе. Последнее сообщение владельца отеля было адресовано Сергею: «Расстановку у воды надо обсудить на месте. По нижнему настилу согласия не давал».

Под ним стоял ответ мужа: «Анна всё посмотрит, свяжемся».

Ответу исполнилось пять дней.

Я перечитала его, затем набрала Сергея. Он не поднял трубку. Со второй попытки ответил:

— Ань, я за рулём.

— Ты сказал мне, что площадка согласована.

— Площадка согласована. Там детали.

— Церемония — не деталь. Вера прислала фотографию с нижнего настила. Ты показал её Ланскому?

— Я ему всё переслал. Он немного тяжёлый в общении, но если нормально объяснить, можно договориться.

— Что именно можно? Он пишет, что согласия не давал.

— Съезди и посмотри. Ты в оформлении лучше меня разбираешься.

Это было верно, и оттого особенно мерзко. Сергей умел положить правду точно туда, где она прикрывала всё остальное.

— Ты будешь на встрече?

Он помолчал.

— Думаю, сейчас нам лучше разделить рабочие вопросы. Я передам тебе файлы. Разумеется, по расчётам я на связи.

— Отправь сегодня. Все, не только выбранные.

Я закончила разговор раньше, чем он успел ответить.

Надя появилась с двумя стаканами кофе и пакетом булочек. Увидела меня, посмотрела на часы.

— Ого. Я думала, побуду одна и успею проверить рассадку без твоего дыхания над плечом.

Она сказала это весело, но улыбка осталась только у неё. Я взяла кофе обеими руками.

— Сергей больше не занимается площадками. Теперь напрямую через меня.

Надя поставила пакет.

— Совсем?

— На этот сезон точно.

Она не спросила почему. Посмотрела на моё лицо, на кольцо, на бумажный стакан, который я никак не могла открыть. Потом придвинула второй стул.

— Мне что-то надо знать?

Я могла сказать. Не всё, хотя бы одну фразу. Передо мной сидел человек, который три года выслушивал мои инструкции, находил потерянные букеты, уводил нетрезвых гостей от чужих микрофонов и всегда возвращал мне телефон, когда я оставляла его на самом неожиданном подоконнике.

— Всё под контролем, — сказала я. — Просто перераспределим немного задачи.

Надя медленно кивнула.

— Хорошо. Тогда я могу сама созвониться с «Берегом». У меня есть список вопросов по заезду и разгрузке.

— Я сначала съезжу. Надо разобраться с церемонией.

— А пока я...

— Проверь, пожалуйста, карточки гостей. Там у Максима два дяди с одинаковым именем.

Она взяла свою булочку и повернулась к компьютеру. Я знала, что сейчас обидела её. Не сильно, привычным способом, который всегда можно было объяснить спешкой. Но сил исправлять это не нашлось.

До обеда я отвечала на письма, уточняла доставку, убедила Веру, что длинная фата не требует отдельной машины. Дважды начинала писать Сергею: «Ты поел?» — и стирала. Во второй раз уставилась на эти два слова с таким ужасом, что погасила экран.

Когда Надя вышла, я сняла кольцо. Под ним осталась светлая полоска кожи. Я покрутила его в пальцах, попробовала положить на стол, но оно оказалось слишком заметным рядом с ножницами. В конце концов сунула в карман сумки, где хранились запасные булавки.

Телефон зазвонил с незнакомого номера.

— Анна Белова? Дмитрий Ланской, «Берег». Сергей передал, что теперь все решения через вас.

Голос был низким и спокойным. Совершенно не подходящим для моего дня.

— Да. Я хотела приехать завтра.

— В десять сможете?

Я посмотрела на пустой квадрат в расписании и впервые за утро увидела в нём не потерянное время, а конкретную задачу.

— Смогу. Мне нужно согласовать церемонию у воды.

— Тогда начнём с того, где именно у воды.

Он не пообещал, что всё будет хорошо. Назвал адрес въезда и попросил удобную обувь. Я записала, хотя знала адрес, а обувь выбирала для работы уже много лет.

После звонка пришлось сесть. До первой свадьбы оставалось несколько дней, домой возвращаться не хотелось, и мужчина, которого я ещё ни разу не видела, ожидал от меня плана.

Я раскрыла папку. На чистой странице написала: «Что действительно согласовано».

Глава 2. Человек, который сказал «нет»

Навигатор предложил повернуть к реке, когда мне уже начало казаться, что отель существует только на фотографиях. Узкая дорога миновала посёлок, прошла мимо поля с прошлогодней травой и упёрлась в ворота. На деревянной табличке было написано «Берег». Никаких золотых букв, силуэтов лебедей и обещаний лучшего дня в жизни. После всего пережитого за последние сутки эта скромность подействовала почти успокаивающе.

Я припарковалась возле главного здания. На крыльце женщина в льняном пиджаке разговаривала с пожилым гостем, который никак не мог решить, нужен ли ему ещё один день проживания. Женщина не торопила, но держала в руках папку, которой легко постукивала по бедру.

— Вы к Дмитрию? — спросила она, едва проводив гостя. — Анна?

— Да.

— Тамара. Он внизу. Сейчас позову.

— Я сама пройду, если покажете.

— Обогните справа, потом к реке. Только не по короткой дорожке — там утром поливали.

Короткая дорожка выглядела совершенно сухой. Я всё равно пошла по длинной. В этот день мне хватало последствий чужой самоуверенности, чтобы не добавлять собственную.

За зданием открылась лужайка с пологим уклоном. Внизу блестела река, к которой вела деревянная лестница. На узком настиле стояли двое мужчин. Один держал конец рулетки, другой присел у перил и что-то записывал на обороте картонной коробки.

— Дмитрий Ланской?

Мужчина с коробкой выпрямился. Серые брюки, тёмная футболка, часы на потёртом ремешке. Он был выше, чем я почему-то ожидала, и значительно моложе хозяев площадок, с которыми обычно приходилось обсуждать стоимость разбитых бокалов. В светлых волосах у висков уже было немного седины. Лицо без той приветственной улыбки, которую люди надевают, услышав о будущем заказе.

— Доброе утро. Подождите, пожалуйста, там. Мы сейчас закончим.

Я остановилась на последней ступени. Он отпустил рулетку, поблагодарил второго мужчину и подошёл ко мне. Руки у него были сухие и тёплые; я заметила это с ненужной ясностью, когда мы поздоровались.

— Покажете ваш план?

Я достала распечатку. На схеме пятьдесят с небольшим стульев стояли красивыми рядами, между ними оставался проход, а арка из фотографий словно вырастала из самой воды. Дмитрий посмотрел на лист, потом на настил.

— Здесь нет.

— Что именно — нет?

— Церемонии на такое число людей.

Он вернул распечатку прежде, чем я успела раскрыть папку с остальными листами.

— Послушайте, у нас через несколько дней свадьба. Это обсуждалось с Сергеем.

— Я обсуждал лужайку. Вот эту, наверху. И присылал ему схему территории.

— Невеста выбрала другой вид.

— Вид у неё останется. Гости будут выше.

Мне не понравилось, как легко он это произнёс. Будто речь шла о чашке, которую можно переставить с одной полки на другую. Я приехала, готовая торговаться, уговаривать, признавать мелкие уступки, но он даже не дал начать привычную работу.

— Вы понимаете, что картинка уже была показана заказчикам?

— Понимаю. Но от того, что её показали, настил шире не стал.

Второй мужчина убрал инструменты и прошёл мимо нас к лестнице. Дмитрий подождал, пока он поднимется, затем отступил в сторону, освобождая мне вид.

— Посмотрите сами. Здесь два человека ещё могут разойтись. Добавьте стулья, фотографа, ведущую. Куда пойдёт человек, которому надо выйти посреди церемонии?

Я молчала. Три минуты назад мне хотелось доказать, что он мешает мне работать. Теперь надо было признать, что работать мешала в том числе моя схема. Снимок был сделан широкоугольным объективом. На нём настил казался просторным, лестница осталась за кадром, и я слишком охотно поверила фотографии, потому что за площадку отвечал Сергей.

— Сюда можно спуститься вдвоём на съёмку, — продолжил Дмитрий. — Если погода позволит. Общее торжество — наверху.

— Хорошо. Покажите, где вы его представляете.

Я сказала «хорошо» таким голосом, что он посмотрел на меня ещё раз.

— Вам не обязательно делать вид, что вы рады.

— Я и не делаю.

— Заметно.

Уголок его рта чуть сдвинулся. Меня разозлило, что я это заметила.

Мы поднялись на лужайку. Я сразу увидела другой ракурс: между двумя деревьями открывалась вода, а на противоположном берегу не было ничего, кроме кустов и небольшого изгиба песка. Если повернуть стулья, река оставалась за спинами Веры и Максима. Не открытка, зато настоящий воздух, глубина и место для людей.

— А здесь можно? — Я указала на ровный участок.

— Да, если не загораживать выход к лестнице.

— Церемония короткая. Стулья лёгкие. Проход оставим с этой стороны. Где электричество?

Он показал розетку под закрытым коробом у здания, объяснил, как обычно проводят кабель. Я записала, затем попросила источник питания ближе к ведущей. Дмитрий не ответил сразу. Позвал мужчину с рулеткой, которого звали Виктор, и втроём мы прошли будущий маршрут провода.

Я ожидала ещё одного «нет», но Дмитрий лишь спросил Виктора, смогут ли они подготовить нужный участок без спешки. Тот подумал, прикинул длину и сказал, что сможет.

— Тогда сделаем. Анна, точку поставьте на схеме. Я подтверждаю вечером вместе с размерами.

Это было первое «сделаем», которое я услышала за утро. Я записала его отдельно, чтобы потом не оказалось, что мы говорили о разных вещах.

У стеклянной веранды он остановился.

— Запасной вариант — здесь.

Внутри стояли столики для завтрака. На одном лежала забытая детская кофта, на другом официантка собирала сахарницы в лоток. Пространство было светлым, но совершенно не праздничным. Через стекло виднелась река, разбитая на прямоугольники оконными переплётами.

— У нас здесь не поместится арка с этой расстановкой, — сказала я.

— Столы уберём.

— А гости куда потом? Ужин в зале?

— Да. Веранда останется свободной до ужина, если заранее договоримся.

Я взглянула на потолок, на дверной проём между верандой и залом. Сначала люди проходят через него на церемонию, потом обратно; официанты идут навстречу с подносами. Рабочая мысль наконец заработала с обычной скоростью. Ей было всё равно, что произошло в моей квартире, она любила ясные задачи.

- Потребуется другой вход для персонала на время церемонии.
- Есть служебный.
- И место, где Вера подождёт, чтобы её не увидели гости.
- Отдельная комната рядом с холлом.
- Это номер?
- Небольшая гостиная. Номер тоже есть, они забронировали.

Я заглянула в гостиную. Два кресла, зеркало, низкий столик, цветок в глиняном горшке. Хорошее место, чтобы несколько минут не быть невестой, на которую все смотрят. Я вдруг отчётливо представила здесь Веру, как она тянет пальцами кружево у плеча и спрашивает, можно ли пойти не одной.

Когда мы вышли обратно, официантка толкала к служебной двери тележку. На ней стояли стопки тарелок. Я автоматически прижалась к стене, Дмитрий придержал створку. Тележка прошла почти вплотную к его ноге.

— Вот поэтому я спрашивала про потоки людей, — сказала я. — Представьте здесь платё и гостей, которые решили снять всё на телефон.

— Во время церемонии через эту дверь ничего не повезём.

— Надо, чтобы знали не только мы.

Он кивнул и попросил официантку подождать минуту. Уточнил у неё, каким путём удобнее вывозить посуду, если основной проход будет закрыт. Девушка показала другую дверь, но добавила, что там обычно стоят пустые ящики.

— Уберём, — сказал он.

— Их потом обратно приносят.

Дмитрий посмотрел на меня. Мне понравилось, что девушка сказала это при нём без страха, хотя самому ему замечание, кажется, удовольствия не доставило.

— Значит, найдём другое место на весь день, — ответил он. — Тамара запишет.

Мы прошли к тому проходу, проверили ширину и расположение порога. Я сделала фотографию, а он отодвинул пустой ящик, чтобы было видно дверь целиком. Это не выглядело заботой, за которую полагалось благодарить. Скорее двое людей наконец обсуждали одну и ту же реальную свадьбу вместо двух удобных картинок у себя в голове.

— Мне нужны фотографии этой комнаты и точные размеры прохода.

— Снимайте.

Он отступил, и я достала телефон. На экране висело сообщение Сергея: «К вечеру пришло. Не торопи, мне тоже непросто».

Я смахнула его слишком резко. Дмитрий заметил движение, но ничего не сказал. Только подержал дверь, пока я снимала.

* * *

В кабинете Тамары нашёлся большой стол. Дмитрий принёс план территории и лист с прежними договорённостями. Я положила рядом свои бумаги. Несколько минут мы молча сравнивали два разных представления об одном празднике.

Оказалось, Сергей передал владельцу отеля общий список пожеланий, но не переслал последнюю рассадку. А я получила от Сергея старые размеры веранды, снятые до замены двери. Мы оба думали, что другой знает о времени приезда флориста. Ни один не знал.

— Давайте без «обычно», — сказала я, когда Дмитрий в третий раз начал объяснять, как у них проходят мероприятия. — У меня сейчас от этого слова портится настроение.

— Тогда конкретно. Во сколько приедет Оксана?

Я назвала предполагаемое время и тут же поправилась:

— Ещё не подтверждено. Сегодня уточню.

Он впервые сел. До этого всё время стоял, словно встреча затягивалась против его воли. Теперь взял ручку и подвинул мой лист ближе к себе.

— Что ещё не подтверждено?

Неловко было признаться, сколько именно. Я привыкла приезжать на площадку с ответами. У нас знали «Событие» как агентство, с которым трудно спорить по мелочам, зато после него не приходится бегать за людьми по парковке. Сейчас передо мной лежали распечатки, и некоторые походили на приглашение к будущему скандалу.

— Перенос конструкции на случай дождя. Разгрузка. Ваш ответственный на монтаже. И время, когда мы можем закрыть веранду от посторонних.

— Хорошо. По порядку.

Он не произнёс ничего об организаторах, которым стоило подумать раньше. Я тоже оставила при себе всё, что хотела сказать о партнёрах, получающих деньги за воздух у реки. У нас нашлось достаточно настоящих проблем.

Через полчаса появился список из двух колонок. В одной были действия отеля: размеры, электричество, свободная веранда, проход для персонала, контакт Виктора. В другой — наши: исправленная схема, согласие пары, переносимый декор и время монтажа. Внизу я написала, что окончательный план подтвердим после совместного осмотра с Оксаной.

Дмитрий перечитал.

— До шести отправлю замеры.

— Всех проёмов, не только основного.

— Всех, которые вы отметили.

— И фотографии с рулеткой, если можно.

Он поднял взгляд.

— Можно.

Я вдруг поняла, насколько усталой выгляжу. Не потому, что он посмотрел с жалостью — жалости как раз не было. Просто тишина после его ответа не требовала от меня немедленно сказать ещё что-то умное.

Тамара вернулась с чашкой чая для себя, посмотрела на нас и спросила, нужны ли ещё две. Я отказалась. Дмитрий попросил воды. Когда она вышла, он заметил:

— Вы с утра здесь ничего не пили.

— Я умею пить воду без напоминаний.

— Отлично. Значит, одну проблему вычёркиваем.

Он сказал это так буднично, что я не успела обидеться. Даже улыбнулась, совсем немного.

На обратном пути к парковке мы проходили хозяйственное крыло. Под карнизом темнело пятно, а на земле стояло ведро. Дмитрий остановился, посмотрел вверх и спросил Виктора, проверяли ли водосток. Тот ответил, что вечером доберётся до крепления. Я отметила пятно лишь потому, что профессионально не любила ведра в поле зрения гостей. До лужайки отсюда было далеко, и я переключилась на маршрут разгрузки.

Возле машины Дмитрий протянул мне лист с номером Виктора.

— Лично мне звоните, если изменится количество гостей или пространство. По коробкам и подъезду лучше ему, он будет на месте.

— Вы не будете?

— Буду. Но у меня кроме вашей свадьбы есть гостиница.

Это не прозвучало укором, однако я услышала его именно так. Хотелось ответить, что кроме его гостиницы у меня тоже существует жизнь. Я посмотрела на собственное отражение в стекле машины и вовремя промолчала.

— Тогда до следующей встречи, — сказала я.

— До встречи. И не обещайте паре нижний настил. Даже если очень попросят.

— Я поняла с первого раза.

— Рад слышать.

Он пошёл к зданию. На футболке между лопатками темнела узкая полоса — утро успело стать жарким. Я задержала взгляд на его спине, затем резко открыла дверь машины. Прекрасно. Муж ушёл вчера, работа трещит, а мне хватает внимания на чужие плечи.

Я села, включила кондиционер и не стала сразу заводить разговор с Верой. Сначала открыла фотографии верхнего берега. На одной Дмитрий случайно попал в край кадра, придерживая ветку, чтобы она не закрывала реку. Я обрезала снимок. Потом вернула исходный, потому что вместе с ним исчезал нужный ориентир для расстановки.

Веру пришлось набрать дважды. Она ответила запыхавшись: выбирала с мамой туфли.

— Анна, там всё хорошо?

— Есть важное изменение, — сказала я. — Я посмотрела площадку своими глазами. На нижнем настиле проводить церемонию нельзя. Я сейчас пришлю место наверху. Вода будет видна, а вам с Максимом не придётся протискиваться между стульями.

Она долго рассматривала фотографию, слышно было, как рядом что-то спрашивает мать. Наконец Вера сказала:

— Мне даже нравится. Только вы будете рядом, когда мы пойдём?

— Буду.

Это я могла обещать без участия Сергея, Дмитрия и чьего бы то ни было разрешения.

Глава 3. Что останется мне

Сергей пришёл в офис после обеда. Я сама назначила встречу здесь: в квартире он мог сесть на свой стул, достать из шкафа печенье и снова превратить происходящее в семейную размолвку. В офисе ему пришлось спросить, куда положить ноутбук.

— На стол, — ответила я. — Надя, ты можешь остаться.

Надя уже собиралась уйти с папкой в соседнюю комнату. Она остановилась, посмотрела на Сергея и села обратно. Он ничего не сказал, только дольше обычного расправлял провод зарядки.

Мы начали с доступов. Почта агентства, облачная папка с договорами, переписка с площадками, платежные таблицы. Сергей объяснял охотно, почти бодро. Перед ним наконец была задача, в которой он понимал, как выглядеть полезным. Я записывала и ловила себя на том, что жду обычного раздражённого замечания: «Аня, ну это же очевидно». Когда оно прозвучало, стало даже легче. По крайней мере, этот Сергей был мне знаком.

— Мне нужно понимать, где лежит окончательная версия, — сказала я. — Очевидно только то, что сейчас у нас их три.

— Последняя в папке «Сезон».

— Там файл без даты.

— Потому что это последняя версия.

Надя развернула свой монитор.

— У меня по Вере другая сумма остатка. Мы убрали дополнительные стулья после пересчёта гостей.

Сергей наклонился к экрану. Я увидела, как он на секунду замер. Потом открыл у себя письмо, сравнил цифры и исправил строку.

— Вот. Теперь одинаково.

— А остальные пять? — спросила я.

Он выдохнул, но мы проверили и их. Ошибок больше не нашлось. Я не испытала разочарования: мне не требовалось доказать, что он плохо работал. Было бы проще, наверное, представить последние двенадцать лет сплошной ошибкой, а Сергея — человеком, который только пользовался чужим трудом. Но он действительно сидел по вечерам над нашими сметами. Уговаривал поставщиков подождать, когда первые клиенты задерживали деньги. Помнил, какие договорённости мы дали ещё до того, как научились их нормально записывать. Всё это существовало одновременно с тем, что он несколько месяцев возвращался домой от другой женщины.

— Клиентские предоплаты мы не трогаем, — сказала я. — Они разложены по заказам.

— Я и не предлагал.

— Хочу, чтобы мы это произнесли.

— Произнесли.

Он посмотрел на Надю, словно она была судьёй, которой предстояло оценить его сдержанность. Надя тем временем отмечала оплаченный транспорт. Она не дала ему ни осуждения, ни утешения, за что я мысленно её поблагодарила.

Дальше пошло труднее. В обороте оставался небольшой резерв: наши заработанные деньги, не клиентские. Часть могла потребоваться на внеплановые расходы сезона. Сергей хотел уже сейчас понять, сколько получит после прекращения участия в деле. Я хотела пережить первую свадьбу, не просчитывая развод между каждой двумя коробками с салфетками.

— Я не могу просто оставить всё висеть до осени, — сказал он.

— А я не могу назвать сумму, пока мы не проверим вложения и обязательства.

— Проверим. Но принципиально ведь ясно, что я тоже вкладывал.

— Я этого не отрицаю.

— По твоему тону не скажешь.

Я положила ручку. Надя поднялась.

— Я всё-таки пойду сверять карточки. Рабочие доступы получила, мне пока хватит.

Дверь закрылась тихо, без драматического щелчка. Я вдруг пожалела, что попросила её остаться. Мы прикрывались бухгалтерией, но всё равно устроили перед ней кусок нашей личной жизни.

Сергей откинулся на спинку стула.

— Ты можешь злиться. Но у нас есть квартира, накопления, оборудование. Если спокойно...

— Не говори «спокойно» так, будто только от меня зависит, будет ли это возможно.

Он провёл ладонью по лицу. На запястье болталась нитка от манжеты. Я едва не потянулась оборвать её.

— Хорошо. Не буду. Что ты предлагаешь?

Я открыла чистый документ. Создала три колонки: что есть, откуда взялось, что нужно уточнить. Первым вписала складское оборудование. Вторым — общие накопления. На слове «квартира» пальцы перестали слушаться, и я дважды стёрла лишнюю букву.

— Сначала собираем сведения, — сказала я. — Потом обсуждаем. Сегодня никаких окончательных решений.

— Ты мне не доверяешь?

Я посмотрела на него. Он тоже понял, как это прозвучало, и опустил глаза прежде, чем я ответила.

— Сегодня никаких окончательных решений, — повторила я.

Мы ещё час разбирали документы. У коробки с беспроводными микрофонами нашлась гарантийная бумага, у части декора — только переписка о покупке. Сергей помнил, кто давал скидку на первые кресла, я помнила, сколько заказов они пережили и у какого сломана ножка. Ни один из нас не мог превратить весь этот смешанный быт и труд в одну аккуратную цифру.

На фотографии со склада попал в кадр старый деревянный ящик с надписью «Событие». Буквы я когда-то выводила сама через бумажный трафарет. Сергей перевёз его на своей машине, потому что доставка стоила почти столько же, сколько весь ящик. Мы тогда располагали двумя столами, одним ноутбуком и уверенностью, которой теперь не хватило бы даже на аренду фургона.

— Помнишь, он не влезал? — спросил Сергей, заметив фотографию.

— Помню.

— Пришлось сиденье снимать. Я потом весь вечер обратно ставил.

Он улыбнулся. Я тоже почти улыбнулась, и это разозлило меня сильнее, чем его требования посчитать вложения. Хорошее воспоминание никуда не исчезло. Оно продолжало работать, подталкивало к прежней близости так же верно, как знакомый запах кухни. Сергей, кажется, тоже это почувствовал: положил ладонь на стол ближе ко мне.

Я придвинула ноутбук и увеличила снимок.

— Этот ящик сейчас не используется. Стоит за стойками.

— Я не про оценку, Ань.

— А я сейчас могу только про неё.

Он убрал руку. Мы записали ящик в общий список, без примерной цены. В какой-то момент его, возможно, придётся выбросить, потому что дерево уже повело от сырости. Но сегодня мне было достаточно того, что воспоминание не заставило меня согласиться на разговор, к которому я не была готова.

Иногда он говорил «наше агентство», иногда «твоеё». Я замечала каждый переход и ненавидела себя за внимание к местоимениям. Хотелось вернуть разговор в область вещей: вот

два микрофона, вот складной стол, вот оплаченная машина. Вещи хотя бы не меняли сторону посреди предложения.

Под конец Сергей спросил:

— Ты была у Ланского?

— Была.

— С ним всё нормально?

— Церемонию на нижнем настиле он не разрешал. Это написано в переписке.

— Я думал, он согласится, когда увидит оформление.

— А я думала, что вы уже договорились.

Сергей щёлкнул крышкой ручки.

— Мы бы всё равно решили. Ты же решила.

Я впервые за встречу почувствовала не холодную усталость, а ясную злость.

— Не называй результат доказательством, что проблемы не было. Я потратила утро и объяснялась с Верой за обещание, которого не следовало давать.

— Я понял, Ань.

— Надеюсь.

Он собрал ноутбук. У двери обернулся:

— Дома что-нибудь нужно? Продукты, например?

— Я могу купить продукты.

— Я просто спросил.

— Тогда нет.

Он ушёл, и в комнате сразу стало слышно холодильник. Я посидела ещё немного, глядя на закрытую дверь, затем пошла к Наде.

* * *

Она стояла возле длинного стола и раскладывала карточки гостей по макету рассадки. Один из дядей Максима наконец получил отличительную букву отчества. Надя подняла голову.

— Ты обедала?

— Потом.

— Уже четыре.

— Значит, рано поужинаю.

Она не стала спорить, но подвинула мне контейнер с холодными макаронами. Я взяла вилку без благодарственной речи и съела несколько ложек стоя. На этот раз профессиональная собранность проиграла еде.

— Анна, мне нужен прямой контакт с Тamarой, — сказала Надя.

Я перестала жевать.

— Зачем?

— Потому что она ведёт заселение. Я собираю список гостей, которые остаются на ночь. Если каждую смену фамилии передавать через тебя, мы к субботе получим пять несовпадающих списков.

— Я сегодня всё сведу.

— Ты сегодня уже ездила за город, встречалась с Сергеем, говорила с Верой и три раза проверяла мои карточки. Хотя просила проверить меня.

— Надь, сейчас не время.

Она убрала руку с пачки карточек.

— А когда будет время?

Я хотела ответить что-нибудь простое. После первой свадьбы. После сезона. Когда перестану думать о том, на какой подушке сейчас спит мой муж. Всё звучало одинаково: потом, когда наступит жизнь, в которой никому не нужно будет просить меня отпустить свою часть работы.

— Давай сначала я сама разберусь, — сказала я.

Надя чуть улыбнулась.

— Это я уже слышала.

В её голосе не было привычной лёгкости. Мне стало не по себе.

— У нас слишком мало времени на ошибки.

— В том числе на твои.

Я поставила контейнер на стол. Ещё минуту назад мне казалось, что она единственный человек, рядом с которым можно не защищаться. Теперь хотелось доказать, что без меня всё действительно рассыплется. Я знала, сколько раз забирала чужую работу в последний момент, сколько часов сидела над чужими неточностями. Но Надя сейчас говорила не о тех людях. Она говорила о себе.

— Контакт пришлю, — ответила я наконец. — Список пока отправляем после моего просмотра.

— Хорошо.

Она согласилась так быстро, что это не походило на победу. Вернулась к карточкам, а я унесла контейнер на маленькую кухню и домыла за собой вилку особенно тщательно, потому что больше не знала, чем занять руки.

Сложнее всего оказалось написать Оксане. Её следующая закупка зависела от подтверждённой схемы первой свадьбы. Я могла ещё несколько часов делать вид, что ничего не изменилось, и попросить её просто приехать с рулеткой. Вместо этого набрала номер.

— У нас корректировка площадки, — сказала я. — Не цвета и не состав цветов. Место церемонии. Надо посмотреть, что из конструкции переносится на веранду.

— Когда узнали?

— Сегодня окончательно.

— Аня, если придётся переделывать основание, это время и деньги.

— Понимаю. Поэтому и звоню до закупки.

Оксана помолчала. На заднем плане шуршала упаковочная бумага.

— Пришли фотографии. Завтра могу в первой половине дня. Только не говори невесте, что всё бесплатно, пока я не посчитаю.

— Не скажу.

Обещание далось тяжелее, чем должно было. Я привыкла первой принимать удар, потом искать, чем закрыть дыру. Клиенты любили эту мою особенность. Иногда подрядчики любили её меньше.

Я отправила снимки и обнаружила на фотографии с лужайкой Дмитрия. Он всё ещё держал ветку. Вдруг вспомнилось тепло его ладони — слишком отчётливо, слишком не к месту. Я быстро перелистнула следующий кадр.

* * *

Без десяти шесть пришли замеры. Не одна торопливая фотография с двумя числами, а четыре снимка проёмов, схема веранды и отмеченная точка подключения. В конце стояло: «Основной проход освободим до приезда вашей команды. Виктор предупреждён. Если нужна ещё высота — скажите».

Я перечитала сообщение, затем сверила время. Он обещал до шести. До шести и прислал.

Это было настолько небольшое событие, что мне стало стыдно за собственную реакцию. Хотелось почему-то выдохнуть. Поставить чашку, сесть, не проверять немедленно, какой именно угол он забыл. Мужчина сказал, что сделает, и сделал. Ни героизма, ни особенной заботы, просто четыре фотографии и листок.

Я ответила: «Получила. Спасибо. Завтра с Оксаной приедем в одиннадцать, если вам удобно».

«Удобно. Согласуйте, пожалуйста, с Верой возможность приехать ненадолго. Ей лучше увидеть резервную площадку самой».

Я посмотрела на телефон с досадой. Разумное предложение. Я и сама собиралась об этом подумать — когда-нибудь между бесконечными срочными делами. Написала Вере, потом передала Наде контакт Тамары. И всё-таки приписала: «Перед отправкой списка покажи мне».

Вечером дома было темно. Сергей любил включать свет в прихожей, даже днём, и я всегда ворчала, что мы платим за пустоту. Теперь пустота обходилась бесплатно.

Я поставила сумку на пол, сняла обувь и дошла до кухни. В раковине стояла чашка, из которой я накануне выпила воду. Я вымыла её, убрала в шкаф и открыла холодильник. Там лежала половина сыра, два яйца и большой контейнер с супом. Суп мы сварили вместе три дня назад. Он резал картошку, я ругалась, что куски слишком крупные. Видимо, всё это время ему было известно, куда он уходит.

Я закрыла холодильник, потом открыла снова. Перелила суп в маленькую кастрюлю и поставила греться. Отказаться от ужина из-за того, кто резал картошку, показалось слишком большой уступкой.

Пока суп закипал, я достала из сумки кольцо. Оно застряло между двумя булавками. Я положила его в коробочку от серёжек и убрала в ящик комода. Не выбросила, не спрятала на самое дно, не устроила с ним никакого обряда. Просто освободила карман, чтобы завтра не находить двенадцать лет брака всякий раз, когда понадобится булавка.

На столе оставался список из трёх колонок. Квартира, накопления, оборудование. Я перевернула лист. На обороте написала другое: Вера — показать резерв. Оксана — проверить основания. Надя — заселение. Дмитрий — порядок переноса.

За окном во дворе кто-то учил ребёнка кататься на велосипеде. Сначала доносилось настойчивое «держу», затем короткое «сам». Я ела суп и слушала, как ребёнок возмущается, что его обманули, отпустив седло слишком рано.

Телефон лежал рядом. Я не переворачивала его экраном вниз и всё равно старалась смотреть только в тарелку. От Сергея новых сообщений не было. От Дмитрия пришло ещё одно: он уточнил, что на осмотр лучше взять самую широкую часть конструкции, если она помещается в машину. По рисунку проходить должно, но проверить проще сейчас.

Я ответила, что возьмём.

Потом доела суп, приготовила на завтра удобные туфли и легла на свою сторону кровати. Чужая половина оставалась примятой. Менять всё бельё среди ночи у меня не было сил.

Я погасила свет и впервые за день позволила себе сказать в пустую комнату:

— Мне очень плохо.

Никто не поспешил объяснить, почему это временно. Я полежала, слушая собственное дыхание, и понемногу перестала ждать ответа.

Глава 4. Запасной выход

Оксана приехала к офису с металлической дугой в багажнике и видом человека, которому ещё до одиннадцати успели трижды сказать «там работы на полчаса».

— Сразу предупреждаю, — сказала она, когда я села рядом, — я сегодня злая.

— На меня?

— Пока вообще. Дальше посмотрим.

Она поставила возле моих ног пакет с образцами ткани. Я убрала его на колени. Внутри лежали три оттенка белого, которые для нормального человека были одним цветом, а для нас — возможностью провести лишний час на солнце, выясняя, какой меньше желтит.

По дороге я показала ей замеры. Оксана несколько раз попросила увеличить фотографии, потом свернула к заправке и остановилась у свободного края стоянки.

— Подержи телефон ровно. Я на ходу эти числа не вижу.

— Я могу сама всё выписать.

— Аня. Я могу прочитать сама, когда ты не трясёшь экраном.

Я замолчала. Она изучила схему, достала из дверного кармана рулетку и измерила дугу, торчащую между сиденьями. Движения у неё были быстрыми и сердитыми, но злость ушла с лица, когда началась понятная работа.

— В собранном виде не пройдёт. Разобрать можно. Только это не перенос за пять минут. Цветы отдельно, ткань отдельно, снова выставлять основание.

— Сколько тебе надо?

— На точное время отвечу на месте. И мне нужны руки. Не один официант, который потом убежит за тарелками.

Я записала. Оксана завела машину и, выезжая на дорогу, спросила:

— Ты спишь вообще?

— По возможности.

— Плохая возможность.

Я посмотрела в окно. На трассе начали продавать клубнику, пока ещё сомнительную на вкус, но яркую в пластмассовых коробках. Захотелось остановиться и купить, как мы делали каждое лето с Сергеем. Мысль возникла, привычно протянула руку к прошлому и не нашла ничего на месте.

— Сергей ушёл, — сказала я.

Оксана не повернулась. Только отпустила газ перед поворотом.

— Давно?

— Два дня назад. К другой.

Несколько секунд в машине слышался один двигатель.

— Вот же... — Она не закончила. — Тебе сейчас лучше разговаривать или молчать?

Я неожиданно чуть не заплакала. За последние двое суток это был первый вопрос, на который мне позволили не знать ответа заранее.

— Пока молчать.

— Хорошо.

До ворот «Берега» мы говорили только о конструкции. Этого оказалось достаточно, чтобы я смогла выйти из машины с рабочим лицом, не чувствуя его приклеенным намертво.

Дмитрий встретил нас у служебного входа. Помог достать дугу, но не перехватил её у Оксаны, когда та сказала, что ей удобнее держать самой. Я заметила эту мелочь. Потом разозлилась на себя за то, что теперь собираю чужие приличные поступки по одному, как рассыпанные монеты.

Вера задерживалась с Максимом на полчаса. Пока их не было, мы пошли на веранду.

— Вот так, — сказал Дмитрий, поставив два стула спинками к стеклу. — Конструкция здесь, гости сюда. Дверь открывается полностью.

Оксана приложила дугу к проёму. Я сразу увидела, что он представлял себе церемонию поперёк веранды, а я — вдоль. Его вариант сохранял больше места, мой давал нужный фон.

— Если так, у них за спиной будет выход в зал, — сказала я. — Вера хотела реку.

— Река у всех сбоку. И людям удобнее проходить.

— Но Вера не для удобства прохода выбирала площадку.

— А когда пойдёт дождь, она обрадуется, что не надо мокнуть ради вида.

Я почувствовала знакомое напряжение в плечах. Он снова отвечал разумно и снова не слышал главное.

— Давайте считать, что я тоже не собираюсь держать невесту под дождём. Мне нужно сохранить то, ради чего она сюда приехала. Мы уже перенесли церемонию с нижнего настила.

Дмитрий поставил стул на место чуть резче, чем требовалось.

— Анна, это запасной вариант. Он может отличаться.

— Тогда, может быть, небольшой навес на лужайке? — спросила я, хотя уже понимала, что это плохое направление.

— Того, который закроет всех гостей, у нас нет. А прокат надо отдельно считать и согласовывать. Ставить тоже не за час.

Оксана покачала головой:

— Под маленьким навесом в сильный дождь будет тесно. И края всё равно зальёт.

Я посмотрела в окно. На сухой лужайке любое решение выглядело простым. Привезти, поставить, закрепить — три слова, за каждым из которых стоял чей-то транспорт, чьи-то рабочие часы и деньги, не предусмотренные ни одним нашим красивым рисунком.

— У пары этого в бюджете нет, — сказала я.

— Тогда не будем обещать, что появится, — ответил Дмитрий.

В его голосе я услышала не жадность, которую было бы легко осудить, а обычную необходимость считать. Он не собирался оплачивать мой ошибочный ракурс ради будущих заказов. Я тоже не могла пожертвовать остатком заработка, чтобы не произнести перед Верой слово «изменение». И всё же отказаться от поиска сейчас было невозможно: тогда она получила бы только красивый вид при условии, что небо поведёт себя правильно.

— Всё же у нас есть время сделать так, чтобы резервный вариант не выглядел наказанием за погоду.

Оксана стояла между нами с рулеткой.

— Давайте пока вы решаете, что значит дождь в человеческой жизни, я проверю другую стену.

Мы оба замолчали. Она прошла к дальнему концу веранды и попросила меня придержать начало ленты. Дмитрий убрал мешающий столик. У другого окна стекло было шире, а боковой простенок позволял спрятать часть основания. Если повернуть всю расстановку немного наискосок, оставался проход и вид на реку.

Я встала на место Веры. Оксана подержала дугу, Дмитрий отступил к первым стульям.

— Теперь что за спиной? — спросила я.

— Вода. Куст. Край соседнего окна.

— Уже лучше двери в зал.

Он достал телефон, сделал фотографию и показал мне. На снимке я стояла с папкой у груди, напряжённая и бледная, а за мной было удивительно много света. Хотелось попросить удалить своё лицо, но это прозвучало бы странно.

— Можно чуть сдвинуть? — спросил он у Оксаны.

Она переставила основание. Мы повторили снимок. Потом ещё раз. В третьем варианте получилось именно то, что было нужно: река, место для двоих и не слишком длинный путь под чужими взглядами.

— Здесь ширины хватает, — признал Дмитрий. — Но столы на время полностью уберём в дальнюю часть зала.

— А зал к ужину освободим?

— Вернём, когда вы уведёте гостей на поздравления. Главное — заранее знать решение.

— Насколько заранее?

Он позвал Тамару. Та пришла с чашкой, которую, видимо, весь день переносила с места на место, так и не выпив.

— Если будете ждать до последней капли, никто ничего не успеет, — сказала она, выслушав нас. — Нужен момент, после которого мы перестаём смотреть в небо.

Мы прикинули путь цветов, работу официантов, время расстановки стульев. Оксана дважды возвращала разговор к количеству людей, которое ей дадут, и один раз — к тому, что ткань должна оставаться сухой. В итоге решили: перенос подтверждаем не в последнюю минуту, а с достаточным запасом до церемонии. При явной непогоде сразу работаем на веранде. От отеля будут Виктор и ещё один сотрудник; я предупреждаю пару и ведущую; Надя ведёт гостей к нужному входу.

Я записывала, Дмитрий читал через плечо. Он стоял близко, и от него пахло улицей и обычным мылом. Ничего примечательного. Ничего такого, из-за чего я должна была сбиться на слове «подтверждение». Я отодвинулась на полшага, будто хотела лучше видеть свет.

— А кто окончательно решает? — спросила Тамара.

— Мы вместе с Анной, — сказал он.

— И сообщаем друг другу до того, как двигать людей, — добавила я.

Он кивнул.

* * *

Вера приехала в кедах и джинсовой куртке. Максим нёс её сумку, хотя в ней явно не было ничего тяжёлого. Он всё время оглядывался на Веру, пытаясь понять, довольна ли она. Она улыбалась слишком старательно.

Я показала им верхнюю лужайку, место для стульев и маршрут от гостиной. Дмитрий остался с Максимом у лестницы, объясняя, как потом спуститься на съёмку. Вера коснулась моего локтя.

— Можно вопрос? Только глупый.

— Давайте сначала вопрос, а потом оценим.

Она посмотрела на дорожку.

— Тут далеко идти. Я думала, на фотографии совсем рядом. Все встанут и будут ждать, пока я дойду.

— А вам хочется, чтобы этого ожидания не было?

— Я не знаю. Кажется, я веду себя как дурочка. Люди свадьбу устраивают, чтобы все посмотрели, а я...

— У людей разные причины устраивать свадьбу.

Она опустила голову, теребя край рукава. За три встречи я уже узнала этот жест. Так Вера делала, когда собиралась согласиться на то, чего не хотела, лишь бы разговор закончился.

— Мы можем не начинать музыку в тот момент, когда вы выходите из здания, — сказала я. — Максим встретит вас здесь, у дерева. Гости увидят, как вы идёте вместе. А до этого просто будут разговаривать.

— Мама сказала, это не торжественно.

— Давайте попробуем. Если вам не понравится, выберем другое.

Я попросила Максима подойти, поставила его у дерева и отошла с Верой к гостиной. Никакой музыки не включала. Мы просто прошли дорожку. Возле дерева Максим сам протянул ей руку, и она взяла её сразу, без моей подсказки. Дальше они пошли медленнее. Вера перестала смотреть под ноги.

Я осталась у двери. Дмитрий стоял рядом, скрестив руки, и наблюдал за ними.

— Вот так, — сказала Вера, оборачиваясь. — Можно именно так?

— Можно.

Максим улыбнулся мне с такой благодарностью, будто я выдала ему не маршрут, а неожиданно простое решение задачи, которой он мучился неделю.

Мы перешли на веранду. Оксана уже временно закрепила один край ткани на дуге. Белое полотнище двигалось от сквозняка; внизу, под временным основанием, торчал её рабочий рюкзак. Вера не обратила на него внимания. Подошла к стеклу, посмотрела на реку и сказала:

— Здесь красиво. Я думала, если дождь, нас просто поставят возле банкетного стола.

— Не поставим, — ответила я.

Она повернулась к Максиму:

— Ты как?

— Я за место, где ты перестанешь извиняться за то, что хочешь.

Он произнёс это тихо, без стремления понравиться нам. Вера ткнула его в плечо. Он поймал её пальцы, и они немного постояли так, забыв о нас.

Я отвела глаза. Две ночи назад чужая близость казалась мне почти оскорблением. Сейчас смотрела на них и чувствовала странную профессиональную нежность: получалось. Из углов, проходов, неловкости и чужих советов наконец складывалось то, что они действительно могли прожить с удовольствием.

Когда пара уехала, Оксана дала мне краткий расчёт. Переделывать основу полностью не требовалось: менялись расположение цветов и порядок сборки. Дополнительная работа была небольшой, но настоящей. Мы уточнили, что покрывается исходным заказом, а что я сначала обсужу с Верой. Оксана убрала бумагу в папку, явно довольная, что ей не пришлось защищать собственные часы.

— Мне надо за лентой в город. Ты со мной? — спросила она.

Я вспомнила, что приехала в её машине.

— У меня ещё вопрос к Тамаре по номеру координатора.

— Я подожду пятнадцать минут. Потом начинаю звереть.

* * *

У служебного входа Виктор стоял на небольшой стремянке и проверял замок двери. Дмитрий попросил его потом перенести на веранду несколько столов для пробной расстановки. Виктор замялся.

— Я могу, только после обеда. У меня рука что-то с утра...

— Тогда сам столы не трогай, — сказал Дмитрий. — Дверь закончишь и спускайся. Позовём ещё людей.

— Да я нормально.

— Хорошо. Нормально и спускайся.

В его тоне было достаточно твёрдости, чтобы спор закончился. Я ожидала, что он сейчас начнёт учить Виктора беречь здоровье или демонстративно схватится за тяжёлый стол сам. Вместо этого спросил, какой инструмент нужно подать, подождал, пока тот уберёт отвёртку, и придержал стремянку.

— Вы всегда так командуете? — спросила я, когда Виктор ушёл.

— Как?

— Без права на ответ.

Дмитрий посмотрел на меня, потом на стремянку.

— Когда человек с больной рукой собирается таскать мебель — иногда да.

Я не нашла, что возразить. Разница между участием и командованием пока казалась мне слишком тонкой, чтобы объяснять её стоя у хозяйственной двери.

— Вы Верой хорошо занимаетесь, — сказал он неожиданно.

— Это моя работа.

— Я видел и других людей на этой работе. Не все замечали, что невесте страшно идти по дорожке.

Мне стало приятно. Я не хотела, чтобы стало, и потому немедленно уточнила:

— Она сама сказала.

— Вам сказала.

Слова остались между нами. Без комплимента внешности, без улыбки на пол-лица, которая позволила бы отмахнуться. Он просто заметил то, что я делала хорошо. Я опустила взгляд к папке, хотя знала её содержание наизусть.

— Спасибо.

Он кивнул, принимая ответ, и не стал продлевать момент. Мы вернулись в кабинет Тамары.

Номер для координатора уже входил в наши расходы на первую свадьбу. Я собиралась использовать его как место для переодевания и склад нужных мелочей, а после праздника уехать домой. Тамара проверила запись и спросила, надо ли оставить на утро завтрак.

— Пока не знаю, останусь ли.

— Тогда не отменяйте. В восемь тридцать на веранде, если понадобится.

Я записала время рядом с номером бронирования и попросила ещё раз пройти маршрут разгрузки. Тамара посмотрела на часы.

— Оксана вас съест.

— Она обещала только звереть.

— Это у неё начало процесса.

Я впервые засмеялась в присутствии Дмитрия. Он улыбнулся, глядя на Тамару, и на мгновение его лицо перестало казаться таким собранным. Мне захотелось узнать, часто ли оно бывает другим. Мысль я тут же отложила, как откладывала всё необязательное.

В машине я отправила общий список: основной вариант, резервный, кто и когда даёт подтверждение. Дмитрий ответил ещё до того, как мы выехали на трассу: «Согласовано. Если меняется схема или время, сначала обсуждаем».

Я показала сообщение Оксане.

— Люблю письменную речь, — сказала она. — Особенно когда человек потом её узнаёт.

Я сохранила список в папку свадьбы. Впервые за несколько дней там стало меньше неопределённости, чем утром. И это произошло не потому, что я догадалась обо всём одна.

Глава 5. Накануне

К вечеру пятницы у меня в багажнике лежало всё, что приличная женщина обычно не возит одновременно: отпариватель, коробка булавок, запасные колготки, рулон скотча, чужие обещания в запечатанном конверте и две пары обуви. Одну пару я надевала, когда требовалось выглядеть уверенной. Вторую — когда требовалось дожить до конца дня.

Надя приехала в «Берег» раньше меня. На стойке администратора уже лежал окончательный список заселения, а на дверях служебного входа — аккуратная табличка для доставки. Я взяла список, собираясь проверить, и увидела внизу её приписку: «Сверено с парами и Тамарой, версия одна».

— Я только посмотрю... — начала я.

Надя, стоявшая рядом, ничего не сказала.

Я положила лист обратно. Получилось не так спокойно, как хотелось: рука ещё секунду оставалась на бумаге.

— Где Оксана?

— На веранде. Проверяет, сколько раз можно произнести слово «крепления» до появления этих самых креплений.

Проблема нашлась в коробке, которую мы обычно хранили на верхней полке склада. В ней лежали пластиковые зажимы, ленты и болты от другой конструкции, а нужных металлических фиксаторов оказалось меньше, чем требовалось. По всем законам моей профессии последние два должны были обнаружиться на самом дне. Я высыпала содержимое на ткань. Законы отказались работать.

Оксана стояла надо мной с несобранной стойкой.

— Я спрашивала про коробку ещё вчера.

— Я проверила, что её положили.

— Это не то же самое.

Я знала. До боли знала. На слове «проверила» можно было построить весь мой день, но сейчас оно не превращало пластиковые зажимы в металлические.

Конструкция стояла низко, без цветов и ткани, так что никакой опасности не было. Была потеря времени, сердитая Оксана и два помощника, которым нужно было оплачивать работу независимо от содержимого коробки. Завтра эти же люди ехали на другую сборку. Я мысленно расправила расписание, и оно немедленно порвалось в самом узком месте.

— Я съезжу на склад, — сказала я. — Сорок минут туда, сорок обратно. Если нет пробки.

— А если там тоже нет? — спросила Надя.

— Тогда куплю.

— Всё нужное ещё открыто?

Я посмотрела на часы. Не всё.

Дмитрий появился с Виктором, когда я уже искала ключи.

— Что не сходится?

Оксана показала ему деталь, которая была, и место, где должна была стоять такая же. Он повернул фиксатор в пальцах, не пытаясь немедленно заменить его какой-нибудь проволокой.

— У нас похожие были для стоек на веранде. Виктор, посмотрим в мастерской?

— Только если точно такие, — сказала Оксана. — Не надо мне «почти подходит».

— Поэтому и посмотрим.

Они ушли.

Надя присела возле рассыпанных деталей и стала собирать неподходящие зажимы обратно. Я потянулась к коробке одновременно с ней.

— Подожди, сначала я ещё раз посмотрю.

Она убрала руку.

— Смотри.

Оксана отвернулась, проверяя ткань на стойке. Двое помощников отошли, чтобы не стоять без дела. Мы с Надей остались над кучкой металла, в которой не могло возникнуть ничего нового от моего взгляда.

— Ты проверяла перед выездом? — спросила я и тут же пожалела.

— Коробку собирала ты. Я спросила, надо ли её открыть. Ты сказала, что всё есть.

— Я не обвиняю.

— А звучит как раз так.

Я села на корточки. В колене неприятно щёлкнуло. Очень захотелось объяснить, что со мной происходит, почему я ошибаюсь и почему не могу сейчас выдержать даже эту маленькую неисправность. Но личная беда не делала Надю виноватой в пропавших креплениях.

— Это я не проверила, — сказала я. — Ты права. Прости.

Она посмотрела на меня, потом подала пустой пакет.

— Давай тогда вместе соберём ненужное. Чтобы ещё и болты не потерять.

Мы сложили детали. Я хотела попросить её взять на себя следующий выезд со склада, но не произнесла: сразу представила неправильно подписанные коробки и то, как снова придётся всё открывать. Вместо этого попросила передать Оксане, что ошибку признаю и дополнительное время команды учту в расчёте. Надя кивнула без прежней колкости. Этого хватило, чтобы продолжить вечер, но я понимала: сама причина её недовольства осталась на месте.

Оксана подошла, когда мы закончили.

— Сейчас не надо заранее платить за часы, которых ещё нет, — сказала она. — Отметим, во сколько закончим. Если успеваем в смену, значит, успеваем. Только в следующий раз я заберу свою коробку отдельно.

Я согласилась. Это было неприятнее простого денежного расхода: человеку пришлось придумать собственную защиту от моей ненадёжности. Возражать я не стала.

Я набрала сотрудника склада, попросила проверить полку и почувствовала себя отвратительно, когда в трубке зазвучал детский голос. Человек был дома, а я уже готовилась вытащить его в пятничный вечер из-за коробки, которую проверила не до конца.

— Пока никуда не едь, — сказала я. — Попробуем решить здесь. Если понадобится, я сама заберу.

Я закончила разговор и убрала телефон.

Виктор вернулся с небольшой жестяной коробкой. Подходящие фиксаторы в ней были, но не хватало длинных винтов. Дмитрий снова ушёл, теперь один, и принёс два винта нужного размера. Оксана примерила детали, собрала узел и несколько раз проверила его рукой.

— Вот. Теперь нормально.

Напряжение отпустило так резко, что мне захотелось рассмеяться. Два винта. Вся моя способность справляться с жизнью последние десять минут зависела от двух винтов, которые лежали в чужой мастерской.

— Я верну после разбора, — сказала я.

— Подпишите коробку, а то я забуду, куда они делись, — ответил Дмитрий.

Надя взяла маркер и написала крупно: «Дмитрию. Не цветы».

Оксана фыркнула.

— Наконец у нас есть понятная маркировка.

Я засмеялась вместе с ней. Вышло неожиданно громко. Дмитрий посмотрел на коробку, потом на Надю.

— Очень полезно. Обычно мне возвращают вещи, назначение которых даже я не помню.

— Мы можем добавить инструкцию, — сказала Надя.

— Не надо. По инструкции окажется, что они всегда стояли неправильно.

Работа пошла дальше. Оксана закрепляла основу, её помощник подавал элементы, Надя раскладывала карточки по столам. Я проверяла вид с входа и ловила себя на том, что жду следующей реплики Дмитрия. Не помощи, не согласования — просто чего-то, от чего можно снова засмеяться. Это оказалось опаснее усталости. Усталость была мне знакома, я умела с ней договариваться.

* * *

Позже мы проверили перенос конструкции с лужайки на веранду. Не ради эффектной репетиции: важно было понять, где люди разойдутся, как удержать основание и сколько времени займёт снятие ткани. Ветер тянул белое полотнище из рук. Дмитрий держал край, я пыталась свернуть его ровно.

— Не поднимайте так высоко, — попросила я.

Он опустил.

— Теперь слишком низко.

— Уточните высоту счастья.

— До вашей груди. Спасибо.

На слове «груди» я зачем-то посмотрела именно туда. Под футболкой двигались мышцы рук, когда он расправлял ткань. Я почти сердито сосредоточилась на складке.

— Так? — спросил он.

— Да.

Мы сворачивали вдвоём, с разных концов. В середине пальцы встретились сквозь тонкое полотно. Это было обычное рабочее прикосновение, таких за день случалось десятки, но я убрала руку слишком быстро. Дмитрий не попытался удержать ткань вместе с моей ладонью. Только подхватил тяжёлый рулон, чтобы он не упал в траву.

— Куда отнести?

Я показала место на веранде. Он ушёл, а я несколько секунд стояла на лужайке, слушая глупо громкое биение собственного пульса. Я не была готова к желанию. Оно не спрашивало, закончила ли я страдать, сколько осталось до развода и имею ли право заметить, что чужой мужчина мне нравится. Просто возникло, неудобное и живое.

Телефон завибрировал, избавив от необходимости думать дальше. Сергей.

— Ты ещё в отеле?

— Да.

— Я хотел завтра забрать часть вещей. Из шкафа. И настольную лампу, она мне там нужна для работы.

Слово «там» оказалось хуже слова «ушёл». У него уже существовало место, где нужны мои привычные предметы. Лампа, под которой я читала на диване, вдруг стала недостающей частью другого дома.

— Завтра у меня свадьба.

— Я помню. Поэтому и спрашиваю, чтобы не пересекаться. Ключи у меня есть.

Мне захотелось сказать, что он может забрать всё. Шкаф, лампу, диван, тарелки — лишь бы я перестала представлять, как он бережно ставит серую сумку рядом с чужой дверью. Это был опасный порыв, похожий на готовность пообещать клиенту невозможное ради тишины.

— Одежду соберу, — сказала я. — Приезжай в начале недели, договоримся по времени.

— Аня, зачем усложнять?

— Я не хочу возвращаться ночью и выяснять, что исчезло.

— Ничего не исчезнет. Ты же понимаешь, я не собираюсь выносить квартиру.

— Тогда несколько дней ничего не изменят.

Он помолчал.

— Хорошо. А лампа?

— Обсудим вместе с остальными вещами.

У меня дрогнул голос, и я отвела телефон, будто Сергей мог это увидеть. Очень хотелось закончить разговор на достойной фразе. Вместо этого я просто сказала, что занята, и отключилась.

Несколько секунд я смотрела на воду. За рекой медленно темнело небо. Ветер пах влажными листьями, откуда-то доносились голоса гостей, которые отдыхали в отеле независимо от нашего праздника. Я сжала телефон так, что заболела ладонь.

Когда повернулась, Дмитрий стоял у входа на веранду. Не рядом, на расстоянии. Наверное, вышел спросить что-то по работе и остановился.

— Вам нужно несколько минут? — спросил он.

— Нет. Всё нормально.

Он не кивнул вежливо, принимая очевидную неправду. Но и спорить не стал.

— Я могу закончить расстановку стульев с Надей. Если вы скажете, что именно осталось.

— Там не только стулья.

— Тогда другое. Что нужно?

Я открыла рот и не нашла ответа. Обычно за предложением помощи следовало готовое решение: поезжай домой, выпей успокоительное, забудь его, начни жить. Дмитрий стоял и ждал. Не двигался ко мне, не трогал за плечо, не наполнял паузу собственной полезностью.

— Пять минут, — сказала я. — Мне нужны пять минут, когда никто ничего не спрашивает.

— Хорошо.

Он ушёл. Именно ушёл — не остался сторожить мой покой в двух шагах. Я прислонилась спиной к деревянному столбу и закрыла глаза.

Плакать не получилось. Тело, видимо, решило, что и это можно отложить. Я просто постояла, чувствуя под лопатками неровность дерева, пока дыхание не стало обычным. Потом вытерла ладони о брюки и вернулась на веранду.

* * *

На столе в маленькой гостиной стояла тарелка с двумя бутербродами и чай. Дмитрий сидел на подоконнике с планом рассадки.

— Это Тамара, — сказал он, заметив мой взгляд. — Сказала, что вы оба скоро начнёте путать номера столов.

— Оба?

— Я тоже не ужинал.

Он слез с подоконника, подвинул мне стул и взял один бутерброд. Я села, продолжая держать папку на коленях. Чай оказался тёплым, не горячим. Тамара умела учитывать время лучше любого моего расписания.

— Спасибо, — сказала я.

— Передам.

— Не за бутерброд.

Он посмотрел на меня, затем опустил глаза к плану.

— Пожалуйста.

Ни вопроса, ни намёка на обязательную откровенность. Я откусила хлеб и вдруг поняла, насколько голодна. Несколько минут мы ели молча. Из зала слышалось, как Надя обсуждает с Оксаной, какой из двух похожих оттенков ткани выглядит белее при включённых лампах.

— Профессиональный спор? — спросил Дмитрий.

— Очень серьёзный. Можно потерять друга.

— Из-за белого цвета?

— Из-за утверждения, что он всего один.

Он усмехнулся и посмотрел на свою футболку.

— Хорошо, что я выбрал безопасный вариант.

— Чёрный тоже бывает разный.

— Не рассказывайте Тамаре. У меня уже есть список недостатков.

Я улыбнулась. Его лицо стало ближе не от расстояния между стульями, а от этой малой готовности выглядеть неидеальным. Мне захотелось спросить, что именно в списке, но я ещё не знала, где проходит граница обычного разговора и интереса, который трудно будет потом спрятать.

Дмитрий сам перевёл взгляд на мои туфли.

— Вы всё время в них?

— До вечера. Потом есть сменные.

— Разумно.

— Вы хотели предложить мне переобуться?

— Уже нет. Вижу, вопрос изучен.

Он сказал это без обиды, и я чуть расслабилась. С ним можно было отбить ненужный совет, не потратив затем полчаса на восстановление чужого достоинства.

Надя заглянула в гостиную и сообщила, что всё готово к последней проверке. Я встала слишком быстро, папка соскользнула с колен. Дмитрий поймал её у самого пола. Из папки выпала карточка с именами Веры и Максима. Он поднял и подал мне отдельно.

— Завтра справимся, — сказал он.

Я посмотрела на карточку.

— Лучше без общих обещаний.

— Тогда конкретно. Проход освобождён. Виктор знает время. Веранда будет готова, даже если на лужайке окажется сухо.

— Так лучше.

Мы вернулись к работе. Я сама проверила только то, за что отвечала напрямую, и дважды всё-таки вошла в Надины дела, прежде чем заметила её выражение лица. Оксана увезла лишние коробки. Заёмные фиксаторы оставили в конструкции до разбора, пустую жестяную коробку поставили отдельно, чтобы вернуть комплект целиком.

Уже у машины я раскрыла прогноз. Значок дождя стоял возле завтрашнего дня уверенно, но время начала менялось при каждом обновлении. Раньше я бы ещё долго прокручивала экран, будто достаточное внимание способно повлиять на облака. Теперь сделала снимок и отправила в рабочую переписку.

Дмитрий ответил: «Утром смотрим фактическую погоду. Резерв готов».

Я убрала телефон. Дождь всё ещё мог испортить картинку, Сергей всё ещё собирался за своей лампой, а моя жизнь не становилась понятнее только потому, что незнакомый мужчина умел ждать ответа.

Но домой я ехала уже не с ощущением, что держу весь завтрашний день обеими руками. Одну часть действительно держал кто-то ещё.

Глава 6. Первая свадьба

Утром река выглядела так, будто дождь придумали для других областей. Вода блестела, на лужайке лежали полосы солнца, и я испытала короткую, совершенно неразумную надежду, что запасной вариант останется красивой теорией.

Оксана уже расставляла цветы. Надя принимала первые доставки. В холле Максим держал сразу два телефона и пытался выяснить, в какой машине едет его отец. Меня он увидел с облегчением.

— Она волнуется, — сказал он.

— Вера?

— И мама тоже, но сейчас Вера.

Я пообещала зайти к ней и сначала проверила веранду. Столы убрали, стулья для церемонии стояли у стены, проход был свободен. На подоконнике лежал наш план в прозрачной папке. Никакой срочности, никакого героя с инструментом, появляющегося в последнюю секунду. Просто сделанная работа.

Дмитрий стоял в зале и разговаривал с официантами. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами. Вчерашняя футболка позволяла думать о нём как о человеке, который знает, где найти винты. Рубашка ничего не позволяла: я заметила его издали и несколько лишних секунд проверяла стол, который не нуждался в проверке.

Он закончил разговор и подошёл.

— Доброе утро.

— Пока да.

Мы посмотрели на окна. Солнце всё ещё лежало на стекле, но за дальним берегом поднималась широкая серая полоса.

— Через полчаса ещё посмотрим, — сказал он. — Люди для переноса свободны.

— Хорошо.

Я ожидала, что он начнёт убеждать меня выбрать веранду немедленно, а я буду защищать лужайку. Но мы уже всё это обсудили. Новая ссора не требовалась.

Вера сидела перед зеркалом в своём номере. На коленях у неё лежал букет, который Оксана успела принести раньше, чем я увидела готовым. Небольшой, живой, без той тяжести, от которой невесты к вечеру держат плечо выше другого.

— Мама хочет, чтобы мы ещё сфотографировались на лестнице, — сказала она вместо приветствия.

— Успеем после церемонии, если будет удобно.

— А если я не хочу?

Я присела рядом, чтобы наши лица оказались на одном уровне в зеркале.

— Тогда скажем, что у вас есть другие фотографии в плане. Можно я поправлю ленту?

Она протянула букет. Я развязала слишком тугим узлом и сделала петлю свободнее. Вера смотрела на мои руки.

— Вы всегда такая спокойная?

— Нет. Только когда поправляю ленты.

Она улыбнулась. Я попросила её выпить воды и проверить, не натирают ли туфли. Пока она вставала, я увидела у неё на запястье красный след от резинки, которой до причёски были собраны волосы. Такая обычная деталь почему-то тронула сильнее платья. Сейчас все старались сделать её торжественной, а она всё ещё была человеком, у которого утром мешали волосы.

У двери я остановилась.

— Если перенесём церемонию на веранду, я сама приду и скажу. Случайных сообщений от гостей не будет.

— Вы думаете, перенесём?

— Возможно. Место готово, вы его видели. Ничего нового от вас не потребуется.

Она кивнула уже без прежнего испуга.

Когда я спустилась, солнце исчезло.

* * *

Первый порыв ветра поднял край скатерти на приветственном столике. За рекой стало темно, и вода из блестящей превратилась в тусклую, словно кто-то перевернул длинную полосу металла. Я вышла на лужайку, посмотрела на деревья и набрала Дмитрия. Он подошёл раньше, чем я закончила звонок.

— Переносим, — сказала я.

— Согласен. Я даю команду своим.

Никакого «я же говорил». Я почти ждала его и почувствовала странную благодарность за отсутствие этих трёх слов.

Дальше всё происходило быстро, но не беспорядочно. Оксана сняла элементы, которые нельзя было нести в сборе. Виктор с помощником подхватили основание. Надя пошла встречать гостей у главного входа, а я поднялась к Вере. Максим ждал в холле; я объяснила ему новый короткий маршрут и попросила не рассказывать невесте о тучах с выражением военного корреспондента.

— У меня такое выражение? — спросил он.

— Было. Уже лучше.

Он засмеялся, выдохнул и убрал телефон в карман.

Дождь начался, когда последние стулья заносили на веранду. Сначала редкие крупные капли ударили по доскам, потом вода хлынула сплошной стеной. Лужайка исчезла за серыми полосами. Сотрудник, закрывавший наружную дверь, вернулся с мокрыми рукавами. Дмитрий сразу отправил его переодеться, сам взял оставшуюся тележку и откатил к служебному входу.

Оксана смотрела на ткань, проверяя сухой край. Я держала основание, пока её помощник затягивал крепление.

— На сантиметр вправо, — сказала она.

Я подвинула.

— Теперь хорошо. Не стой там, тебя за гостя примут.

— Опасно. Заставят радоваться.

— Сегодня разрешаю.

Я отошла к двери, оглядела веранду с места входа. Вода за стеклом превратилась в движущийся фон, белая ткань выглядела мягче, чем на солнце. Стулья стояли немного ближе, чем на лужайке, и от этого всё стало менее торжественным, более человеческим. Вера не должна была пройти перед гостями длинный путь. Максим ждал за поворотом, чтобы подать ей руку.

Тамара появилась с корзиной сухих полотенец для тех, кто всё-таки успел намочнуть по дороге от машин. Я хотела сама пойти раздавать их, но Надя уже взяла корзину и направила двух гостей к свободным местам. Я остановилась. Следующая моя задача была наверху, рядом с Верой, и никакая особенная необходимость не требовала, чтобы именно я держала полотенце у входа.

У маленькой гостиной невеста спросила:

— Сильно льёт?

— Сильно. Но там красиво.

— Вы обязаны так говорить.

— Я обязана провести вашу свадьбу. Красиво — уже наблюдение.

Она заглянула за угол и увидела Максима. Он стоял совсем близко, в нескольких шагах. Вера отдала мне пустой стакан, поправила пальцем лямку платья и пошла к нему.

Я вернулась на веранду через другую дверь. Ведущая тихо сказала их имена, без привычного «встречаем молодых». Гости встали. Максим немного наклонился к Вере, она что-то ответила ему, и оба улыбнулись до того, как увидели нас.

В этот момент я перестала думать о погоде.

У входа стояла фотография, которую Вера прислала мне в день Сергеевого ухода. Я распечатала её и поставила в простую рамку: две куртки, растрёпанные волосы, бумажный стакан. Сейчас эти же двое стояли перед нами совсем иначе одетые, но Максим по-прежнему немного наклонял голову, когда слушал её. А Вера, смеясь, всё так же закрывала глаза.

Я вспомнила, как увеличивала тот снимок на кухне, ещё не понимая, что делать с оставленным на кровати носком. Тогда хотелось, чтобы хотя бы чужой праздник удался. Сейчас я увидела, что это удалось не только на бумаге.

Они стояли перед окном, за которым лило так сильно, что река почти слилась с небом. Вера говорила свои обещания без микрофона, как хотела. Я не слышала слов, только видела, как Максим перестал улыбаться и внимательно, совершенно серьёзно смотрел на неё. Потом он что-то сказал в ответ. Вера прижала губы друг к другу, чтобы не заплакать, и засмеялась.

Не всё прекрасное должно было быть доступно каждому гостю. Некоторая часть праздника принадлежала только им.

Дмитрий стоял у противоположной двери. Мы встретились глазами через несколько рядов стульев. Он едва заметно кивнул: всё в порядке. Я кивнула в ответ. Ни один из нас не спасал сейчас другого. Мы просто делали то, о чём договорились.

* * *

После церемонии дождь постепенно ослаб. Люди вышли под навес, фотограф снял несколько кадров на фоне мокрой зелени. На нижний настил в тот день никто не пошёл: доски оставались скользкими, а паре оказалось достаточно места наверху. Вера сама сказала, что не хочет тратить время, пока гости ждут. Я не услышала в её голосе сожаления.

Праздничный ужин в зале начался вовремя. Столы для завтраков, убранные на время церемонии, уже вернули на веранду; зал был свободен от лишнего. Максимов отец нашёлся в нужной машине. Два одинаково названных дяди сели на свои места, и ни один не узнал, сколько внимания мы уделили их различению.

Я проходила вдоль стены, когда Вера подняла руку.

— Анна, подойдите на минутку.

Ведущая протянула ей микрофон, и я сразу почувствовала, как напряглась спина. Я не любила неожиданные благодарности в середине праздника: они всегда требовали правильного лица.

— Мы хотели сказать вам спасибо, — сказала Вера. — За то, что сегодня можно было не бояться.

Люди захлопали. Я улыбнулась, взяла микрофон и посмотрела на Надю, которая стояла у входа, всё ещё с рабочей папкой.

— Тогда нам нужно поблагодарить ещё нескольких людей. Надю, которая сегодня встретила всех так, что никто не заметил переезда церемонии. Оксану и её команду — вы видите, как здесь красиво. Тамару и сотрудников отеля. И Дмитрия, который выполнил всё, о чём мы договорились. Спасибо вам.

Получилось чуть суховато, зато без привычного присвоения чужих рук. Надя подняла на меня глаза. Оксана из дальнего угла показала большой палец. Дмитрий стоял рядом с Тамарой и смотрел на меня так внимательно, что мне стало жарко.

Я вернула микрофон и предложила гостям продолжить ужин. Вера поймала мою ладонь, сжала и отпустила. От неё пахло цветами и чем-то сладким, свадебным. Я вышла в коридор и несколько секунд просто стояла у стены.

До конца вечера было ещё много маленькой работы. Кто-то просил чай без сахара и почему-то сообщал об этом именно мне. Надя нашла пакет с удобными туфлями Веры, который уехал не в тот номер. Оксана уехала после проверки декора, оставив время приезда на разбор. Мы с Дмитрием встретились у служебного входа, где он складывал пустую тару.

— Вы не обязаны были меня называть, — сказал он.

— Вы не обязаны были произносить «я же говорил» после дождя.

Он посмотрел на меня, затем улыбнулся.

— Значит, у обоих сегодня получилось.

В зале заиграла медленная музыка. Кто-то громко позвал Веру, она ответила смехом. Я прислонилась к косяку, позволив ногам отдохнуть хотя бы так. Дмитрий посмотрел вниз.

— Вторая пара?

— Ещё нет. Сейчас перейду к тяжёлой артиллерии.

— Удачи.

Он снова взялся за ящик, а я пошла переобуваться, почему-то улыбаясь. На несколько минут мне удалось забыть, что дома никого нет.

* * *

После последней машины стало неожиданно тихо. Несколько гостей ночевали в отеле, но они разошлись по номерам. Вера с Максимом поднялись к себе, ещё раз обняв меня в холле. Надя уехала на вызванном такси, передав Тамаре последние сведения по утреннему отъезду гостей. Мы с командой проверили, что можно оставить до разбора и что нужно убрать сразу. Я отметила часы, закрыла рабочую папку и поняла, что больше ни одному человеку сегодня не нужен мой ответ.

Именно тогда всё и случилось.

Я вышла на веранду, села на край стула и сняла бейдж. На нём было написано «Анна. Организатор». Маленький кусок пластика внезапно оказался единственным убедительным ответом на вопрос, кто я теперь. Организатор. Жена человека, который ушёл. Женщина, которая не знала, как вернуться в квартиру с его лампой и недоеденным супом.

Первый всхлип вышел таким нелепым, что я сама испугалась. Попыталась вдохнуть носом, накрыла рот ладонью. Слёзы всё равно потекли, горячие и обильные, будто тело терпело ровно до окончания оплаченного времени.

Я услышала шаги и отвернулась к стеклу.

— Простите. Я сейчас уйду.

Дмитрий остановился у двери.

— Вам принести воды?

Я кивнула, не глядя. Он вернулся с бутылкой и пачкой бумажных салфеток. Поставил рядом, сел через один стул. Я ждала вопроса о том, что произошло, и боялась, что отвечу слишком много.

Он молчал.

От этого я заплакала сильнее. Слёзы попадали на ворот блузки, салфетка размокла в руках. Ни один мой аккуратный рабочий навык не пригодился, чтобы сделать это хотя бы прилично.

— От меня ушёл муж, — сказала я наконец. — Несколько дней назад.

Дмитрий не шевельнулся.

— Я не знал.

— Я никому почти не говорила. Всё время нужно было что-то...

Я махнула рукой на пустую веранду. Он посмотрел туда, куда я показывала, словно это было достаточно точным объяснением.

— Понимаю.

— Нет, вы не... — Я остановилась. Он не утверждал, что знает меня целиком. — Простите.

— Не за что.

Я выпила воды. Она была прохладной, и от этого стало легче дышать. Дмитрий сидел, положив ладони на колени. Не приближался, не пытался меня обнять. На его рубашке возле локтя темнело влажное пятно. Он тоже весь день работал, тоже устал, но ни разу не посмотрел на часы.

— Самое глупое, — сказала я, — я весь вечер знала, когда уеду, что сделаю дома, как быстро усну. А теперь не могу встать.

— Ваш номер свободен. Он у вас до утра. Можно никуда не ехать.

Я посмотрела на него.

— Это уже оплачено, — добавил он спокойно. — Ничего решать не надо.

Я вспомнила Тамару, завтрак, маленькую запись в плане. У меня было место, где можно закрыть дверь, не видя чужих кроссовок в прихожей. Не подарок, который пришлось бы принимать. Просто рабочий номер, забронированный ещё до того, как мне стало плохо.

— Я останусь, — сказала я.

— Хорошо.

Мы посидели ещё немного. Я постепенно перестала плакать. Потом рассказала, что завтра всё равно надо ехать домой, собирать Сергееву одежду и договариваться, когда он её заберёт. Дмитрий выслушал и не предложил сам отвезти вещи или поговорить с мужем. Только спросил, хочу ли я ещё воды.

Когда я смогла встать, он поднялся вместе со мной. У лестницы задержался.

— Тамара оставила ключ на стойке. Завтрак с восьми тридцати.

— Знаю. Она предупредила.

— Тогда спокойной ночи, Анна.

— Спокойной ночи.

Я взяла ключ, поднялась одна и закрыла за собой дверь. В номере пахло свежим бельём и чуть-чуть нагретым деревом. На стуле лежала моя запасная кофта. Я умылась, поставила телефон заряжаться и легла, не проверяя сообщения.

Снизу больше не слышалось ни музыки, ни голосов. Я знала только, что за дверью нет человека, который ждёт от меня благодарности за мою слабость. Можно было наконец перестать собираться с силами.

Глава 7. Утро без роли

Я проснулась от стука колёс по коридору и несколько секунд пыталась понять, какую мебель Сергей решил передвинуть на этот раз. Потом вспомнила, где находилась. За окном было слишком много зелени, потолок не имел привычной трещинки над люстрой, а на соседней подушке лежала моя сумка.

Горничная провезла тележку мимо двери. Где-то звякнули чашки.

Я села, нащупала ногами пол и посмотрела на блузку, повешенную на спинку стула. Вчера я ещё умудрилась промочить рукав. Он высох неровными зубцами и теперь напоминал плохо обрезанную выкройку. Из зеркала на дверце шкафа смотрела женщина с припухшими веками и отпечатком наволочки на щеке. У неё явно не стоило заказывать самый счастливый день своей жизни.

Впрочем, день уже состоялся.

На телефоне было сообщение Веры, отправленное глубокой ночью. Она благодарила нас за праздник и приложила фотографию: они с Максимом сидели на ступеньках, тесно прижавшись плечами, а он держал над ней зонт, хотя дождь к тому времени кончился. Оба смеялись. За их спинами виднелась чья-то хозяйственная тряпка на перилах. Фотограф успел её убрать в следующих кадрах, но Вера выбрала именно этот.

Я написала ответ, стёрла слово «незабываемый» и просто пожелала им выспаться.

Надя уже прислала список того, что осталось забрать. Оксана сообщила, что подъедет за коробками к десяти. Сергей ничего не написал.

Я задержала палец над его именем, будто от моего прикосновения могла появиться новая строка. Потом убрала телефон.

В душевой пахло чужим мылом. Мой дорожный набор, который я возила на все мероприятия, исправно обеспечивал меня зубной щёткой и кремом, но не предлагал способа убрать из памяти вчерашние слёзы. Дмитрий видел, как я плакала. Видел не аккуратное увлажнение глаз, подходящее для семейного тоста, а всё: красный нос, мокрые ладони, неспособность произнести подряд несколько слов.

Он остался рядом и не требовал, чтобы я поскорее успокоилась.

В половине девятого начинался завтрак. Я собиралась спуститься, выпить кофе и немедленно уехать. Рабочий разбор вполне можно было провести по телефону, без лица.

Внизу Тамара раскладывала по ячейкам ключи. На стойке лежали очки и половинка зелёного яблока на бумажной салфетке.

— Доброе утро, — сказала она. — Завтрак до одиннадцати. Ваш входит в номер.

— Я, наверное, только кофе.

— Это уже на месте решите.

Она не спросила, как я спала, не посмотрела многозначительно на мои глаза. Из глубины служебного помещения кто-то позвал её, и Тамара отозвалась с таким раздражением, что я почувствовала благодарность: сегодняшний день никоим образом не собирался вращаться вокруг меня.

На веранде стояли три накрытых столика. Все вчерашние цветы сняли, ленты убрали, на подоконнике сохранилась только капля воска. Без декора помещение оказалось спокойным и очень светлым. Стекло ещё держало следы дождя; за ним трава выглядела вымытой с неожиданной тщательностью.

Дмитрий сидел у дальней двери. Перед ним лежали тетрадь, связка ключей и тарелка с двумя поджаренными ломтиками хлеба. Один он уже намазал маслом, другой изучал так, словно тот выставил ему завышенный счёт.

— Доброе утро, — сказал он. — Выспались?

Я успела придумать три бодрых ответа.

— Не совсем.

— Я тоже. Присаживайтесь, если хотите.

На соседнем стуле не было ничего, что следовало бы срочно освободить для меня. Это почему-то облегчило выбор.

Я села.

— Мне неловко за вчерашнее.

Он отложил нож.

— За что именно?

— Вы понимаете.

— Понимаю. Но мне не было неловко.

Я уставилась на сольницу. Сейчас он мог сказать что-нибудь про сильных женщин, которым иногда нужно поплакать, и тогда мне пришлось бы окончательно разочароваться в людях. Вместо этого он подтолкнул ко мне небольшое меню.

— Каша хорошая. Яйца тоже. Хлеб сегодня с характером.

— Вы его обидели?

— Забыл вынуть из тостера.

Я рассмотрела чёрную полоску по краю ломтика.

— Скажите, что так и задумано. Наш основной профессиональный приём.

— Сотрудники не оценят. Они слышали, что я сказал, когда достал его.

Официантка принесла кофе. Я заказала омлет, хотя ещё пять минут назад твёрдо знала, что ничего не смогу есть. Дмитрий закрыл тетрадь. На обложке остался след от чашки.

— Не мешаю?

— Нет. Я как раз нашёл способ не звонить Виктору до девяти.

— Это подвиг?

— Это вчерашняя договорённость. Он был здесь до конца.

Я вспомнила, как Виктор носил мокрые дорожки, не позволяя гостям наступать на скользкую плитку. Мы с Дмитрием одновременно посмотрели на часы и одновременно сделали вид, что ничего не произошло.

— У вас тоже? — спросил он.

— Оксана. Хочу узнать, успели ли просохнуть её ящики. Но знаю, что она их ненавидит значительно меньше, чем меня с утренними звонками.

— Значит, подождём.

В ожидании мы ели. У него оказались большие, немного неловкие в обращении с маленькой чашкой руки. Вчера эти же руки держали тяжёлую дверь, ловили сдвинувшуюся стойку, передавали мне сухое полотенце. Сейчас Дмитрий вытаскивал из масла крошку кончиком ножа. Он был без часов, в обычной серой футболке, и на шее у ворота виднелась полоска более светлой кожи.

Я заметила всё это сразу, с неприятной подробностью.

— Как Вера? — спросил он.

Я развернула телефон с фотографией.

Он наклонился, но телефон не взял. От него пахло кофе и, едва заметно, уличным воздухом.

— Максим всё-таки отвоевал зонт.

— Вера прислала ночью. Значит, претензий к хозяйственной тряпке у неё нет.

— Тряпку я велел снять.

— Вот вы какой. Всё испортили.

Он улыбнулся. Улыбка у него появлялась не сразу: сначала чуть менялось выражение глаз, а потом уже рот. Мне захотелось сказать ещё что-нибудь глупое, чтобы увидеть это снова.

Вместо этого я открыла список недочётов.

У запасного входа мы поставили недостаточно указателей. Две гостьи искали гардероб, пока проход загораживали коробки. Официанты узнали о переносе приветственного напитка на веранду позже, чем следовало. Я говорила ровным голосом, рада была узнаваемой территории, но Дмитрий вдруг взял мой лист и положил рядом со своим.

— С коробками моя недоработка. Сразу не убрали после переноса.

— Мои монтажники тоже могли заметить.

— Могли. Но обещал я.

Спорить ради справедливого распределения вины оказалось бы странно. Я сделала пометку. Он спросил, как удобнее сообщать кухне об изменениях: через меня или через координатора. Я назвала Надю, потом добавила:

— И дублировать мне.

— Два подтверждения?

— Нет. Просто сообщение.

Дмитрий посмотрел на меня, будто хотел что-то уточнить, но лишь записал. Мне стало досадно на этот взгляд. Я имела право знать, что происходило на моём заказе.

Омлет успел остыть. Я доела его почти с раздражением и потянулась за кофе.

— А у вас дома все привыкли к таким утрам? — спросила я. — Когда человека надо отпустить на завтрак, чтобы он составил список вчерашних бедствий?

Вопрос выскочил сам. Я услышала в нём любопытство, которое намеревалась скрыть, и слишком поздно притворилась занятой чашкой.

— Дома никого нет, — сказал Дмитрий. — Я четыре года как развёлся.

— Простите, я не хотела...

— Ничего страшного. Вопрос обычный.

Он отпил кофе. Я ждала продолжения с такой явной неподвижностью, что стало стыдно.

— Я не был человеком, с которым легко жить, — добавил он. — Это всё, что можно уместить между омлетом и рабочим списком.

В голосе не было ни приглашения возразить, ни озлобления. Я кивнула.

— У меня пока даже рабочий список не помещается.

— Заметил.

— Это было грубо.

— Это было по-честному.

Я рассмеялась, потом прикрыла рот салфеткой. Не потому что смех был неприличным. Просто я давно не слышала, как он звучал без обязанности поддерживать настроение за столом.

В дверях появилась пожилая пара из вчерашних гостей. Мужчина нёс две куртки и сердился на их рукава, которые цеплялись друг за друга. Женщина увидела меня, помахала рукой, а потом стала уверять Дмитрия, что никогда не ела такого прекрасного пирога.

— Это повару скажите, — предложил он. — Он сейчас как раз обходит зал.

— Да мы уже сказали. Но вы тоже должны знать.

Дмитрий согласился знать. Женщина ушла с довольным видом, и я поймала себя на том, что всё ещё улыбаюсь ей вслед.

— Это тётя Максима. Она на встрече спрашивала, нельзя ли обойтись без церемонии, потому что все и так знают, зачем собрались.

— Передумала?

— Плакала раньше невесты.

— Вера её заметила?

— Надеюсь, нет. Иначе заплакала бы тоже. У меня уже не хватало салфеток.

Дмитрий подвинул ко мне корзинку с хлебом, но я покачала головой. Тогда он взял последний кусочек сам, разломил, и с него посыпались крошки.

— Вы всегда понимаете, кто заплачет? — спросил он.

— Если бы. Иногда я уверена, что сейчас будет скандал, а люди начинают обниматься. Один папа на репетиции спросил у дочери, отрепетировала ли она развод на случай, если не понравится. Я хотела его убить. Оказалось, они так шутили с детства.

— Не лучшая шутка.

— Не лучшая. Но не моя семья. Я тогда только начинала и пыталась всех сделать приятными.

Он рассматривал меня с вниманием, от которого хотелось поправить волосы.

— Получалось?

— Я стала значительно неприятнее сама.

Он засмеялся; на этот раз сразу, не скрываясь за чашкой. Я тоже. По веранде прошла официантка с подносом, улыбнулась нам, и меня вдруг обожгла мысль о том, как мы могли выглядеть со стороны. Двое за завтраком, помятые после короткой ночи. Я выпрямилась.

Дмитрий, кажется, заметил. Он спросил, не долить ли мне кофе, и позвал официантку только после моего кивка. Пока она подходила, я успела сердито напомнить себе, что никто в отеле не обязан размышлять о моей личной жизни.

— А вы? — спросила я, когда нам налили кофе. — Всегда хотели заниматься гостиницей?

— Нет. Я в школе хотел делать мебель.

— Серьёзно?

— Что вас так удивляет?

— Обычно говорят про море или космос.

— У нас дома был складной стол, который постоянно падал. Я думал, что справлюсь лучше.

— Справились?

— Один стол сделал. Для себя. Он не падает, но двигать его нельзя. Я перестарался с весом.

Он сказал это без гордости и без предложения немедленно показать мне своё жилище. За его коротким рассказом вдруг появилось место, в котором он жил после работы: настоящий стол, царапины, возможно, неудобная лампа. До этого я, не задумываясь, помещала Дмитрия между отельной стойкой и дверью ресторана, словно за порогом он прекращал существовать.

— Теперь мне будет неловко жаловаться вам на мебель, — сказала я.

— Жалуйтесь. Зато я точно пойму, о чём речь.

Пришла Тамара. Ей понадобилось решить, оставлять ли дополнительные столы на веранде до следующего заказа. Я стала объяснять расположение, Дмитрий слушал, и через минуту мы уже двигали стулья, изображая двадцать четыре будущих гостя.

Любовь и Илья пока просили именно столько мест. Их дети прислали более пространственный список, и я отложила окончательную схему до встречи.

— Тогда большой зал пока не трогаем, — сказал Дмитрий.

— Дочь невесты говорит, что двадцать четыре — это до тех пор, пока мама не вспомнит всех, кого неудобно не позвать.

Тамара придержала стул.

— А мама что говорит?

— Что хочет двадцать четыре.

Тамара молча подвинула стул на прежнее место. Мне не понравилось, как быстро её молчание превратило мою сложную проблему в простой вопрос.

После завтрака мы вышли к служебному двору. Нужно было проверить, какие ящики Оксаны остались под навесом. Я нашла среди них свою папку; вчера её убрали от дождя, а потом никто не вспомнил куда. На прозрачной обложке засох отпечаток чьего-то пальца. Внутри лежал первый вариант церемонии на лужайке.

Мне стало жалко его, как бывает жалко приготовленное и не сказанное хорошее слово.
— Вы правда думаете, что запасной вариант был не хуже? — спросила я.

Дмитрий не ответил сразу.

— На лужайке было бы иначе. Там больше воздуха. А вчера все оказались близко. Вера перестала оглядываться на задние ряды.

Он заметил. Не только перенос мебели, не только сухой пол и скорость кухни.

— Да, — сказала я. — Она боялась, что будет выглядеть так, будто играет в невесту.

— Не выглядела.

— Я ей скажу.

— Это вы ей устроили.

— Мы.

Он принял поправку коротким кивком. Ни кокетливого спора, ни готовности взвалить на себя весь успех.

Приехала Оксана. Волосы у неё были собраны в небрежный пучок, на футболке красовалось выцветшее название курорта, где она наверняка ни разу не была. Она вручила мне пустой кофейный стаканчик.

— Подержи. И не спрашивай про цветы, пока я не проверю коробки.

— Я не собиралась.

— По лицу вижу: собиралась.

Дмитрий помог ей донести два тяжёлых ящика до машины. Третий я потянула сама и немедленно зацепилась ручкой за рукав. Он сделал движение ко мне, но Оксана успела освободить ткань.

— Это привычка, — сказала она ему. — Анна у нас может возглавить разгрузку, даже если приехала на неё случайно.

— Оксана.

— Что? Похвалила.

Оксана открыла последний ящик и достала заёмные фиксаторы с двумя длинными винтами. Я принесла жестяную коробку, на которой по-прежнему красовалось Надино «Дмитрию. Не цветы». Детали звякнули о дно.

— Комплект вернулся, — сказала Оксана, вручая коробку Дмитрию.

Он заглянул под крышку и кивнул. Одно небольшое обещание можно было вычеркнуть из списка.

Вместе мы быстро справились. Уезжая, она спросила про следующую встречу и потребовала заранее прислать время: закупки не умели сами встраиваться между чужими переменами настроения. Я пообещала. На этот раз обещание было небольшим и вполне выполнимым.

За машиной остались два светлых прямоугольника сухого асфальта. С реки тянуло прохладой. Дмитрий поднял забытую Оксаной перчатку, положил её на подоконник у служебного входа.

— Уедете сейчас?

— Да. Дома дела.

Я произнесла это быстро. Дома меня ждали полотенца в машинке, Сергеевы вещи, которые нужно было собрать, счета и слишком большая кровать. Ни одно из этих дел не требовало моего немедленного прибытия.

— Можете посидеть у воды. Там уже подсохло.

Он сказал это просто, как сказал бы гостю, спросившему, где лучше ловил интернет. Но мне вдруг представилось, что мы действительно спустимся вдвоём, выберем сухую скамейку и ещё немного помолчим без списка.

Я захотела этого так сильно, что перехватила папку обеими руками.

— Не сегодня.

— Хорошо.

Он не стал уточнять, какой именно день мне подошёл бы.

У стойки я сдала ключ. Тамара проверила что-то в компьютере и отпустила меня. Никакого долга перед отелем у меня не осталось: номер для координатора был предусмотрен в рабочих расходах. И всё же мне казалось, будто я уносила с собой больше, чем оплатила.

Дмитрий вышел проводить меня до машины. Он стоял достаточно далеко, чтобы не пришлось обходить его, открывая дверь.

— Пришлётё финальный список? — спросил он.

— К вечеру.

— Завтра тоже подойдёт.

— Тогда завтра.

Я села, бросила папку на пассажирское сиденье и сразу запустила двигатель. Если бы позволила себе ещё минуту, могла бы остаться. Этот человек не сделал ничего необыкновенного. Позавтракал со мной. Признал свою ошибку. Не захотел пользоваться моими слезами. Я пока не знала, что делать с облегчением, которое всё это вызвало.

На выезде я посмотрела в зеркало. Дмитрий уже шёл обратно, остановившись по пути возле Виктора. Мне не следовало испытывать ни разочарования, ни благодарности оттого, что меня не провожали взглядом до горизонта.

Я испытала и то и другое.

А на первой остановке перед светофором открыла окно и обнаружила, что впервые за несколько дней мне хотелось обычной громкой музыки. Я включила радио. Песня попалась нелепая, бодрая, совершенно не соответствовавшая моим обстоятельствам. Выключать её я не стала.

Глава 8. Своя подпись

Сергей приехал в офис с двумя стаканами кофе. Я увидела их через стеклянную перегородку и испытала мгновенное, унижительное облегчение. Всё могло оказаться одним огромным недоразумением: он вернулся с кофе, я забыла о ссоре, впереди был обыкновенный рабочий день.

Потом он открыл дверь, и я заметила папку под его мышкой.

— Привет. Твой без сахара.

Я взяла стакан, чтобы он не держал его протянутым.

— Спасибо.

Надя ушла на встречу с прокатчиками. Я сама выбрала время, когда нас никто не услышит, и теперь жалела, что не попросила её задержаться. При посторонних люди иногда сохраняли полезные ограничения.

Сергей оглядел стол. На нём стоял букет, который Оксана составила из оставшихся после первой свадьбы веток и двух стойких роз. Их никто не покупал для меня, но Сергей всё равно задержал взгляд.

— Хорошо провела?

— Хорошо.

— Я видел фотографии. Молодец.

Я не знала, что ответить на это «молодец». Раньше такие слова нравились мне, хотя я почти всегда слышала их в конце, когда уже переставала помнить, чего мне стоил день.

Он снял куртку, повесил её на прежний крючок. Не на соседний свободный, а именно на тот, которым пользовался много лет. Сел напротив.

— Я набросал, как можно всё закрыть. Посмотри. Без войны, нормально.

Папка оказалась новой. В прозрачных кармашках лежали распечатки, и от этой аккуратности мне почему-то стало хуже. Видимо, он успел купить папку, напечатать страницы, вставить их по порядку. У него было время и спокойное место для этого.

На первой странице стоял перечень вещей: техника, переносные конструкции, накопления, квартира. Рядом — цифры. Дальше шёл порядок расчётов. Я прочитала его дважды и на втором проходе перестала понимать обычные слова.

— Откуда эта оценка оборудования?

— По покупкам. Ты же сама чеки сохраняла.

— Три ноутбука покупались в разное время. Один мы уже год держим только ради старой программы.

— Анна, я округлял. Если расписывать каждую мышку, мы тут состаримся.

— А эта сумма?

Я показала строку с деньгами на рабочем счёте.

— То, что было на начало месяца.

— Там предоплаты клиентов.

— Я понимаю. Я не предлагаю их забирать сейчас. После сезона посчитаем.

В следующем абзаце, однако, стоял срок, который ничем не связывался с завершением заказов. Сергей наклонился, пробежал глазами страницу.

— Это предварительно. Исправим.

— Значит, надо сначала исправить.

Он откинулся на спинку стула, и я узнала движение: так он садился, когда считал, что разговор затягивали искусственно. Меня когда-то забавляло, как хорошо я понимала его без слов. Теперь хотелось хотя бы ненадолго утратить этот навык.

— Я не пытаюсь оставить тебя без работы, — сказал он. — Мы оба вкладывались. Я тоже отказывался от своих возможностей, когда здесь всё начиналось.

— Я помню.

И это было правдой. Он помогал выбирать помещение, сидел со мной до ночи над первым большим предложением, уговаривал владельца площадки дать нам шанс. Мне не требовалось превращать нашу жизнь в сплошной обман, чтобы сегодняшний разговор был большим.

— Тогда почему ты сразу ищешь подвох?

— Я ищу, что здесь написано.

Он взял свой кофе. Крышка щёлкнула; на белой рубашке появилось крошечное коричневое пятно. Я машинально потянулась к салфеткам и остановилась на полпути. Он достал одну сам.

— Ты можешь хотя бы подтвердить, что в целом согласна? Я не хочу жить в подвешенном состоянии.

Я посмотрела на оставленный внизу страницы прямоугольник. Место для подписи было подчёркнуто синим. Сергей всегда подчёркивал важное синим: чёрный терялся при копировании.

Ещё несколько дней назад я подписала бы, чтобы он перестал говорить этим усталым голосом. Не из доверия даже, а ради тишины. Двенадцать лет мы по-разному переживали затяжные разговоры: я старалась найти ответ, при котором он расслаблял плечи. Иногда ответ оказывался верным. Иногда только удобным.

— Сегодня я ничего не подпишу.

— Почему?

— Мне нужно проверить расчёты и посоветоваться.

— С кем?

Вопрос прозвучал резче предыдущих.

— С людьми, которые в этом разбираются.

— То есть я не разбираюсь?

Я положила ладони на стол. Под правой оказалась скрепка; я убрала её в стакан с ручками, прежде чем ответить.

— Ты здесь не просто специалист, Серёж. Это касается тебя.

Он посмотрел на меня внимательно, как на непривычного собеседника.

— Мы же можем спокойно договориться.

— Я сейчас именно это и пытаюсь сделать.

Пауза затянулась. Из коридора донёсся смех, кто-то с силой толкнул заедающую дверь соседнего кабинета. В обычный день я пошутила бы, что у арендаторов опять сломалась вся жизнь в одном замке. Сегодня за дверью существовал неприлично лёгкий мир.

— Сколько времени тебе нужно? — спросил Сергей.

Я едва не сказала «до вечера». Это была старая реакция на вопрос о сроках: назначить такой, чтобы человеку понравилось.

— Я сообщу, когда получу ответы. Начну сегодня.

— Хотелось бы какой-то конкретики.

— Мне тоже. Поэтому я буду проверять.

Он забрал куртку. Кофе остался недопитым на столе.

У двери Сергей обернулся:

— Я всё-таки думал, что мы обойдёмся без чужих людей.

— Ты сам предложил закончить наши общие дела. Я не умею сделать это вдвоём с тобой и ничего не проверить.

Он хотел сказать ещё что-то, но передумал. Дверь закрылась мягко. Мне хотелось, чтобы она хлопнула: тогда было бы проще сердиться.

Я сидела над папкой, пока не вернулась Надя. Она поставила возле стола пакет с образцами ткани и сразу увидела два кофейных стакана.

— Мне уйти ещё куда-нибудь?

— Нет. Всё закончилось.

Услышав собственные слова, я коротко рассмеялась.

— То есть разговор закончился.

Надя не расспрашивала. Она разложила ткани и показала оттенки, которые были доступны для третьей свадьбы. Я начала отвечать, но посреди фразы поймала себя на том, что думала о синей черте.

— Пришли мне фотографии, пожалуйста. Я сейчас не могу выбрать.

— Я могу отправить паре эти два. Они как раз просили что-нибудь спокойное.

— Сначала мне.

Надя убрала один образец.

— Хорошо.

Она произнесла это без раздражения, но пакет свернула слишком тщательно. Я заметила. Исправить что-то прямо сейчас сил не нашлось. Мне хотелось справиться хотя бы с одной чужой папкой, прежде чем признавать собственные ошибки.

Я позвонила Марине, которая помогала нам с учётом. Пересказывать семейные обстоятельства пришлось всего в трёх фразах; она не стала просить подробностей.

— Пришли расчёты и то, на чём они основаны. Я сравню с тем, что у меня есть. Но личное имущество я тебе делить не буду, Аня. Здесь нужен другой специалист.

— Я понимаю.

— И до разговора выпиши для себя, что уже обещано клиентам и подрядчикам. Без общих слов «много расходов». По каждому заказу отдельно.

У меня были эти сведения. В разных таблицах, письмах, записной книжке, в голове. То, что казалось стройной системой, пока я знала, где что лежит, внезапно обнаружило неудобство для всех остальных.

До обеда я собирала документы. Нашла старый счёт на стойки, фотографию приёмки ноутбука, письмо о замене деталей. На одном снимке случайно сохранилось отражение Сергея в стекле: он стоял с двумя пакетами еды, пока я снимала серийный номер. Мы тогда ужинали прямо на полу, потому что стол ещё не привезли.

Я закрыла фотографию, не удаляя.

Марина прислала замечания ближе к вечеру. Несколько сумм требовали пояснений. По оборудованию нужно было уточнить состояние и перечень, а не просто складывать старые покупки. Будущую выручку следовало отделить от денег, которые нам предстояло потратить на сами мероприятия. Ничего сенсационного не обнаружилось. Отсутствие сенсации оказалось полезнее предполагаемого разоблачения: мне предстояло решать обычную сложную задачу, а не доказывать, что Сергей всегда был злодеем.

Елену Викторовну я нашла по рекомендации Марины. Мы договорились о консультации. Прежде чем подтвердить встречу, я спросила о стоимости, записала её и посмотрела на остаток личных денег. Расход был неприятным, но посильным. Предоплаты за свадьбы я не трогала.

На следующий день я сидела в маленьком кабинете с тремя чужими пальто на вешалке. У Елены Викторовны была обычная ручка с погрызенным колпачком и манера перечитывать вопрос перед ответом. Эта задержка действовала на меня успокаивающе.

Я рассказала про предложение Сергея. На фразе «он хочет всё спокойно» консультант подняла глаза.

— А вы чего хотите получить в результате?

— Чтобы не было скандала.

— Это про способ. А в результате?

Я посмотрела на принесённые бумаги. До этой минуты мне казалось, будто результат уже существовал, а моя задача — вынести его с наименьшим ущербом.

— Я хочу сохранить агентство. Технику, название, возможность работать с командой. И не раздать деньги, которые ещё нужно заработать. Квартира...

Я остановилась.

— С квартирой я пока не знаю.

— Так и запишем: решение не принято.

Она не предложила отдать мне всё на свете и не пообещала поставить Сергея на место. Задала ещё несколько вопросов, попросила недостающие документы и сказала, какие оценки следовало уточнить до обсуждения вариантов. Когда я попыталась добиться немедленного ответа, сколько кому причиталось, она придвинула ко мне список.

— Я сейчас не могу назвать вам обоснованный итог. Вот чего для него не хватает.

Странно, но именно после этих слов я окончательно решила работать с ней.

По дороге домой я зашла в маленький магазин за молоком. Взяла привычные два пакета, потом вернула один. За мной женщина выбирала йогурт ребёнку, громко спрашивая по телефону, с клубникой или без кусочков. Я стояла перед холодильником и не могла двинуться дальше. Оказалось, проще было спорить о будущем агентства, чем решить, сколько молока мне теперь требовалось.

Телефон завибрировал в кармане. Сергей.

— Ты освободилась?

— От чего?

— Ну, от своих консультаций. Хотел спросить, ты дома будешь? Мне нужно забрать несколько рубашек.

Я прижала пакет молока к животу. Он был холодный.

— Сегодня я не готова.

— Ань, я не собираюсь устраивать разговор. Просто возьму вещи.

Перед глазами сразу возникло, как он войдёт, привычно снимет обувь, пройдёт в нашу спальню. Я буду стоять в кухне и слушать стук вешалок. Потом он попросит пакет. Я выберу попрочнее, потому что там рубашки.

— Я соберу их сама. Можешь забрать завтра в офисе.

— У тебя же и так дел полно.

— Это я сделаю.

Он вздохнул.

— Там синяя, с коротким рукавом. И светлая, которую ты покупала. Если не трудно.

Я помнила обе. Синюю он терпеть не мог из-за пуговиц, но носил летом постоянно. Светлую мы выбирали перед поездкой, которая так и не состоялась: я взяла заказ и убедила его, что осенью будет приятнее.

— Хорошо, — сказала я. — Завтра.

Он поблагодарил. Я отключилась и поняла, что женщина с йогуртом уже давно ушла, а я всё ещё прижимала молоко к себе, словно собиралась унести его без оплаты.

У кассы пришлось вернуться за хлебом. Себе я выбрала тот, который любила, с жёсткой корочкой. Сергей всегда говорил, что от него одни крошки.

Дома я аккуратно сложила рубашки. Воротник светлой вывернулся, я поправила его и оставила пакет у двери. Не проверяла, все ли пуговицы держались, не добавляла носки и лекарства на случай, если он забыл. Потом отрезала большой неровный кусок хлеба и съела стоя. Крошки упали на пол. Я видела их и не стала сразу подметать.

Потом достала папку с документами на квартиру. На нижней полке шкафа стояла коробка с новогодними игрушками; сверху лежала сломанная звезда, которую Сергей обещал починить

ещё зимой. Я перенесла бумаги на кухню, а звезду оставила. Не собиралась сегодня разбирать все двенадцать лет.

Чайник успел остыть. Я снова включила его, но так и не налила себе чаю. Несколько минут можно было слушать этот привычный шум вместо собственных мыслей. Потом взяла телефон и набрала Дмитрия.

Вопрос был настоящий: для второй свадьбы требовалось подтвердить расстановку на веранде. Двадцать четыре места мы прикинули, но дети пары снова попросили расширенный вариант, и я хотела заранее знать пределы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.